(P. O. rel.)
3480

Dzel 3480.
ess

Sobranie

(Biblioteka Ruskich Autorow.)

БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ТОМЪ II.

Князь А. И. Одоевскій.

СОБРАНІЕ

ИХОТВОРЕНІЙ

ДЕКАБРИСТОВЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ:

F. A. BROCKHAUS.

1862.

112-87.

Князь А. И. Одоевскій

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

ДЕКАБРИСТОВЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ:

F. A. BROCKHAUS.

1862.

112 - Bg.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ вышедшемъ нынѣ второмъ томѣ предпринятаго нами изданія «Библіотека Русскихъ Авторовъ» собраны стихотворныя произведенія декабристовъ: Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, князя Александра Ивановича Одоевскаго, Гавріила Степановича Батенькова, Вильгельма Карловича Кюхельбекера, Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и Николая Ивановича Лорера. Само собою разумѣется, что предлогаемый томъ не содержитъ въ себѣ полнаго собранія стихотвореній означенныхъ лицъ, потому-что для напечатанія всѣхъ стихотворныхъ произведеній одного Кюхельбекера потребовалось бы нѣсколько томовъ, что можно видѣть изъ библіографической статьи нашей о сочиненіяхъ декабристовъ, помѣщенной въ концѣ этаго тома.

Впрочемъ бо́льшая или ме́ньшая полнота предлогаемаго собранія, за исключеніемъ стихотвореній Бестужева и Кюхельбекера, зависѣла не отъ насъ. Ни Муравьевъ, ни Батеньковъ, ни Лореръ никогда не печатали своихъ стихотвореній, а Одоевскій не только что не печаталъ, но даже никогда не записывалъ своихъ вдохновенныхъ импровизацій. Послѣ этаго не удивительно, что, не смотря на всѣ розыски, намъ удалось собрать только весьма немногія, случайно уцѣлѣвшія произведенія нашихъ поэтовъ-мучениковъ. Что же касается Бестужева и Кюхельбекера, то мы не сочли нужнымъ перепечатывать здѣсь ихъ многочисленныхъ стихотвореній, разбросанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, не желая обременять своего изданія произведеніями уже извѣстными русской читающей публикѣ, тѣмъ болѣе, что стихотворенія Бестужева вошли въ полное собраніе его сочиненій, имѣвшихъ нѣсколько изданій, а печатныя стихотворенія Кюхельбекера — крайне слабы, какъ по содержанію, такъ и по исполненію.

И такъ мы сочли болѣе удобнымъ помѣстить въ нашемъ собраніи одни еще не бывшія въ печати стихотворенія Бестужева и Кюхельбекера. Три стихотворенія Бестужева доставлены намъ однимъ изъ декабристовъ и провѣрены нами по рукописнымъ сборникамъ, принадлежащимъ извѣстнымъ библіографамъ.

Стихотворенія же Кюхельбекера, напечатанныя въ предлогаемомъ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: «Пѣсни отшельника», взяты нами изъ тетради, носящей тоже названіе и принадлежащей нынѣ намъ. Означенная тетрадь, доставшаяся намъ изъ десятыхъ рукъ, есть копія, сдѣланная кѣмъ-то въ Сибири, конечно съ позволенія автора или кого нибудь изъ его семейства, съ тетради того же имени, исписанной съ начала до конца рукою Кюхельбекера и въ настоящее время находящейся, какъ мы слышали, у его наслѣдниковъ. Въ эту тетрадь вошло все, написанное покойнымъ поэтомъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ его страдальческой жизни, изъ которыхъ первая половина была проведена имъ въ казематахъ разныхъ крѣпостей, а вторая въ ссылкѣ, въ Сибири. Всѣхъ стихотвореній въ нашей тетради 138. (Всѣ онѣ подъ нумерами.) Изъ нихъ мы взяли для нашего собранія 48. Нумера означены подъ заглавіемъ каждаго стихотворенія. Само собою разумѣется, что помѣщенныя здѣсь 48 стихотвореній есть лучшія изъ 138, или, по-крайней-мѣрѣ, имѣющія какое-нибудь отношеніе или къ самому поэту, или къ людямъ 14-го декабря, память которыхъ такъ дорога для каждаго Русскаго, желающаго блага своему отечеству. Остальныя или крайне слабы по мысли и исполненію, или — молитвы на разные случаи, которыхъ и безъ того достаточно въ нашемъ собраніи.

Четыре стихотворенія Рылѣева, помѣщенныя въ приложеніи къ предлагаемому тому, получены нами въ началѣ нынѣшняго 1862 года, и потому не могли войти въ полное собраніе его сочиненій, изданное нами въ прошломъ году.

Біографическія очерки С. И. Муравьева-Апостола, Г. С. Батенькова, В. К. Кюхельбекера и А. А. Бестужева (Марлинскаго) взяты нами изъ «Записокъ одного не Декабриста», появившихся въ «Полярной Звѣздѣ» на 1862 годъ (книжка седьмая, выпускъ второй, стр. 85); остальныя составлены нами, какъ равно и библіографическая статья о сочиненіяхъ декабристовъ.

Посланія Коншина къ Рылѣеву и Баратынскаго къ Кюхельбекеру, напечатанныя въ нашемъ изданіи впереди собранія ихъ стихотвореній, взяты нами: первое — изъ «Мнемозины» (1824, ч. II, стр. 155), а второе — изъ «Сына Отечества» (1820, ч. 59, No. 5, стр. 225). Замѣчательно, что посланіе Баратынскаго не вошло въ собраніе его стихотвореній.

Л. Л. Л.

Лейпцигъ, 20/8 августа 1862 года.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ДЕКАБРИСТАМЪ.

Надъ вашей памятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой,
Остановить не смѣетъ взоръ.

Вашъ врагъ могучій торжествуетъ,
Щадитъ его судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ —
И кажется незыблемъ тронъ.

Но вы погибли не напрасно:
Все что посѣяли — взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ.

CAFFE & RESTAURANT WITTELSBACH
MÜNCHEN

Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть —
И снова предъ лицомъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ издателя V

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Декабристамъ XI

МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ. Біографическій очеркъ. Изъ «*Записокъ не Декабриста*» 3
Je passerai sur cette terre . . . Стихотвореніе 5
Я по землѣ пройду не знаемый ни кѣмъ . . . Переводъ 6

КНЯЗЬ ОДОЕВСКІЙ.

Памяти князя А. И. Одоевскаго. М. Лермонтова . . 9
Князь А. И. Одоевскій. Біографическій очеркъ. Л. Л. Л. 13
Стихотворенія:
I. Къ отцу 25
II. Матери 27
III. Сенъ-Бернаръ 28
IV. Роза и соловей 30
V. Къ * * * 31
VI. А. С. Пушкину 32
VII. И. Д. Якушкину 33

Стран.

VIII. Экспромтъ 34
IX. Княгинѣ М. Н. Волконской . . . . . —
X. При извѣстіи о польской революціи 35
XI. Далекій путь 37
XII. Два образа 38
XIII. На смерть графа П. П. Коновницына 40
XIV. Славянскія дѣвы 41
XV. *Куда несетесь вы, крылатыя станицы?* . . 42
XVI. Охлажденіе 43
XVII. Ты знаешь ихъ? . . . . . —

БАТЕНЬКОВЪ.

Г. С. Батеньковъ. Біографическій очеркъ. Изъ «*Записокъ не Декабриста*» 47
Одичалый. Стихотвореніе 53

КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

Кюхельбекеру. Е. Баратынскаго 63
В. К. Кюхельбекеръ. Біографическій очеркъ. Изъ «*Записокъ не Декабриста*» 65
Пѣсни отшельника:
I. Вопросы 77
II. Море сна 78
III. Надежда 79
IV. Я есмь — конечно есть и ты! 85
V. Сонъ и смерть 87
VI. Брату 89
VII. Блаженство. Изъ Геллерта 90
VIII. Поминки 93
IX. Памяти Грибоѣдова 95
X. Брату 98
XI. Элегія 101
XII. Клёнъ 103
XIII. Терпѣніе 104
XIV. Росинка 107
XV. Моей матери 110
XVI. Благодать Господня. Изъ Геллерта 113

Стран.

XVII. Псаломъ 102 115
XVIII. Утренняя молитва 119
XIX. Вечерняя молитва 121
XX. Въ концѣ недѣли 123
XXI. Полночь съ 31 декабря на 1-е января . . . 125
XXII. Мое предназначеніе 127
XXIII. Надгробіе 131
XXIV. Новый годъ 132
XXV. Въ день рожденія 135
XXVI. На воскресеніе Христово 136
XXVII. Три тѣни 138
XXVIII. Безсмертіе 140
XXIX. 19 октября 1836 года 143
XXX. Разочарованіе 145
XXXI. 19 октября 1837 года 146
XXXII. Брату 147
XXXIII. Они моихъ страданій не поймутъ 149
XXXIV. Посвященіе поэмы «Сирота» А. С. Пушкину 151
XXXV. При исходѣ 1841 года 153
XXXVI. Совѣтъ 154
XXXVII. Псаломъ 143 155
XXXVIII. Аргунь 158
XXXIX. Къ Виктору Гюго 159
XL. Жребій поэта 161
XLI. Упованіе на Бога 163
XLII. Молитва 164
XLIII. Молитва узника 165
XLIV. Луна 166
XLV. Ночь 167
XLVI. Любовь 168
XLVII. Къ * * * 169
XLVIII. Тѣнь Рылѣева 170
XLIX. На смерть Чернова 172

БЕСТУЖЕВЪ.

А. А. Бестужевъ. Біографическій очеркъ. Изъ «*Записокъ не Декабриста*» 177

Стран.

Стихотворенія:
I. Пѣсня 183
II. Прокаженный 184
III. Утренняя пѣснь. Изъ Кампе 186
IV. Надпись на могилѣ Михалевыхъ 187

ЛОРЕРЪ.

Н. И. Лореръ. Біографическій очеркъ. Л. Л. Л. 191
Наполеонъ. Стихотвореніе 193

РЫЛѢЕВЪ.

Рылѣеву. Н. Коншина 197
Стихотворенія:
I. Александру I-му 199
II. Узникъ 201
III. Посланіе къ женѣ 203
IV. Пѣсня 204

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

I. Полный списокъ печатныхъ сочиненій декабристовъ: Муравьева-Апостола, князя Одоевскаго, Батенькова, Кюхельбекера и Лорера 207
II. Списокъ стихотвореній декабристовъ, являющихся здѣсь въ первый разъ въ печати 223

С. И. МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

С. И. МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

(Біографическій очеркъ.)

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, сынъ бывшаго въ Мадритѣ русскимъ посланникомъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (человѣка необыкновеннаго ума, познаній, учености и талантовъ), воспитанъ былъ въ Парижѣ, въ политехническомъ училищѣ, служилъ въ Семеновскомъ полку и былъ, во время бунта 1820 года, командиромъ роты его величества, оказавшей непослушаніе. Онъ былъ любимъ и уважаемъ своими солдатами, употреблялъ всѣ средства, чтобъ удержать ихъ, но не успѣлъ въ томъ. Его перевели въ армію подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ .... Я видѣлъ Сергѣя Ивановича въ домѣ Алексѣя Николаевича Оленина. Онъ былъ не очень сообщителенъ, но учтивъ, привѣтливъ и пріятенъ въ обращеніи .... Въ тѣсномъ кругу былъ онъ веселъ и остеръ. Однажды Оленинъ, жалуясь на необразованность нашей публики, сообщилъ, что на одномъ публичномъ чтеніи въ императорской публичной библіотекѣ, слетѣло съ верхней

галереи яблоко. «Cela doit vous faire plaisir», сказалъ Муравьевъ: «on a écouté avec fruit!» Нравомъ онъ казался очень кротокъ, и въ немъ никакъ нельзя было подозрѣвать того изступленнаго революціонера, того отчаяннаго предводителя бунтовщиковъ, какимъ онъ явился впослѣдствіи ..... По всему видно, что Сергѣй Муравьевъ дѣйствовалъ рѣшительно, твердо, по внутреннимъ убѣжденіямъ, и остался имъ вѣренъ до конца *).

Онъ былъ привезенъ въ Петербургскую крѣпость въ концѣ января. Когда его посадили въ казематъ, онъ написалъ на оборотѣ оловянныхъ тарелокъ, на которыхъ подавалось арестантамъ кушанье: «Сергѣй Муравьевъ здѣсь.» Съ-тѣхъ-поръ стали давать имъ посуду глиняную.

Отцу позволили посѣтить его въ тюрьмѣ. Старый дипломатъ огорчился, увидѣвъ сына своего въ изодранномъ мундирномъ сюртукѣ, обрызганномъ кровью (Сергѣй Муравьевъ былъ раненъ, когда его взяли), и сказалъ, что пришлетъ ему другое платье. «Не нужно», отвѣчалъ сынъ: «я умру съ пятнами крови, пролитой за благо отечества!»

(«Изъ Записокъ не Декабриста.»)

---

*) «При допросѣ императоромъ Николаемъ, Сергѣй Муравьевъ такъ рѣзко высказалъ тягостное положеніе Россіи, что Николай протянулъ ему руку и предложилъ ему помилованіе, если онъ впредь ничего противъ него не предприметъ. Сергѣй Муравьевъ отказался отъ всякаго помилованія, говоря, что онъ именно и возставалъ противъ произвола и потому никакой произвольной пощады не приметъ». («14-е декабря 1825 года», стр. 239, примѣч. 1.)

СТИХОТВОРЕНІЕ

С. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

Je passerai sur cette terre,
Toujours reveur et solitaire,
Sans que personne m'aie connu.
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

1824. Каменка.

ПЕРЕВОДЪ.

Я по землѣ пройду не знаемый ни кѣмъ;
Лишь предъ концомъ моимъ,
Внезапно озареннымъ,
Познаетъ міръ, кого лишился онъ!

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКАГО.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья ... Но, безумный —

Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей ...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ не единый ...

4.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга —

Кто скажетъ намъ? . . . Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда? кто ихъ спроситъ!

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной . . .
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье!
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты . . .
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ её объемлетъ;

Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Чорное шумитъ не умолкая.

1839 г.

М. Лермонтовъ.

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

(1802—1839.)

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1802 году въ Москвѣ. Какъ видно изъ его формулярнаго списка, онъ поступилъ 1-го октября 1821 года юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ изъ отставныхъ губернскихъ секретарей, 1-го мая 1822 года произведенъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го февраля 1823 года — въ корнеты.

Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ, до ссылки, вспоминаютъ о немъ, какъ о благородномъ, умномъ, миломъ и весьма красивомъ молодомъ человѣкѣ. «Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ», говоритъ Грибоѣдовъ, въ письмѣ къ Бѣгичеву, отъ 9-го сентября 1825 года: «поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самаго себя. Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ» *). Здѣсь говорится

---

*) См. «Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву», 1860, стр. 30.

о послѣдней поѣздкѣ Одоевскаго въ Москву, въ ноябрѣ 1825 года, для свиданія съ отцомъ, котораго онъ такъ горячо любилъ и съ которомъ ему уже не суждено было свидиться болѣе на этомъ свѣтѣ.

«Возвращаясь изъ поѣздки въ Москву», пишетъ Н. И. Г—ь въ своихъ «Запискахъ»: «Одоевскій встрѣтился на одной станціи съ Магницкимъ (попечителемъ казанскаго округа), ѣхавшимъ по-неволѣ въ Казань, бесѣдовалъ съ нимъ, и потомъ разсказывалъ мнѣ очень забавно объ этой встрѣчѣ. Я не замѣтилъ въ Одоевскомъ ни малѣйшей наклонности къ тому, что вскорѣ случилось».

Одоевскій былъ принятъ въ число членовъ сѣвернаго тайнаго общества Рылѣевымъ, въ началѣ 1824 года, и съ того времени началъ принимать дѣятельное участіе въ собраніяхъ общества, происходившихъ обыкновенно на квартирѣ у Рылѣева (на Мойкѣ, близь Краснаго моста, въ домѣ Россійской Американской Компаніи *). 12-го и 13-го декабря 1825 года были, у Рылѣева же, два послѣднія засѣданія тайнаго общества, на которыхъ было принято рѣшеніе — произвести движеніе утромъ 14-го декабря. На первомъ изъ нихъ былъ и Одоевскій, который, по свидѣтельству «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи», сказалъ при этомъ: «Умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!» На засѣданіи 13-го декабря его небыло, такъ-какъ утромъ того числа онъ вступилъ въ караулъ, въ Зимнемъ дворцѣ, откуда могъ смѣниться только утромъ

*) Рылѣевъ съ семействомъ занималъ весь нижній этажъ дома, выходящаго фасомъ на улицу. Подъѣзда въ то время не существовало и ходъ былъ изъ-подъ воротъ.

14-го декабря. Но 12-го числа вечеромъ, послѣ собранія у Рылѣева, онъ еще побывалъ у князя Оболенскаго, куда собрались офицеры разныхъ полковъ за послѣдними инструкціями, касательно будущихъ дѣйствій. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія диктатора (князя Трубецкого) и думы — стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько будетъ имъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то, по-крайней-мѣрѣ, быть самимъ. Смѣнившись съ караула 14-го декабря утромъ, Одоевскій переодѣлся и тотчасъ же вышелъ на Сенатскую площадь, гдѣ уже собрались полки Московскій и Лейбъ-Гренадерскій и Гвардейскій Экипажъ, подъ предводительствомъ членовъ тайнаго общества. По усмиреніи возстанія, Одоевскій былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими членами общества, допрошенъ самимъ Николаемъ Павловичемъ и посаженъ въ Алексѣевской равелинъ Петропавловской крѣпости. Здѣсь, въ 16-мъ нумерѣ, имѣя, за стѣной, съ одной стороны Рылѣева, и съ другой — Николая Бестужева, онъ просидѣлъ слишкомъ полъ года. 10-го іюля 1826 года государь утвердилъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда, по которому Одоевскій лишался чиновъ, княжескаго достоинства и ссылался въ каторжную работу на 12-ть лѣтъ; 12-го числа приговоръ этотъ былъ объявленъ подсудимому, а 13-го приведенъ въ исполненье. Затѣмъ 22-го августа 1826 года срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12-ти на 8 лѣтъ, а 8-го ноября 1832 года Одоевскій былъ вовсе освобожденъ отъ каторги и сосланъ на поселеніе, гдѣ пробылъ еще пять лѣтъ, т. е. до

конца 1837 года. Такимъ образомъ Одоевскій провелъ въ тундрахъ Сибири одиннадцать лѣтъ — лучшіе годы своей жизни. Большая часть стихотвореній, вошедшихъ въ предлагаемое изданіе, написана имъ въ теченіе этихъ томительныхъ одиннадцати лѣтъ, подтачивавшихъ его мало по малу и наконецъ вогнавшихъ въ чехотку. Одоевскій писалъ много, но ни когда не печаталъ своихъ стихотвореній. Все намъ извѣстное появилось въ свѣтъ уже послѣ его смерти, за исключеніемъ пьесы «Сенъ-Бернаръ», напечатанной Плетневымъ въ X томѣ «Современника» на 1838 годъ, конечно безъ спроса на то соизволенія автора, что мы вправѣ предположить, зная исторію напечатанія въ томъ же журналѣ «Казначейши» Лермонтова. По словамъ людей, знавшихъ близко Одоевскаго, онъ сочинялъ стихи наизусть и очень редко клалъ ихъ потомъ на бумагу. Немногія стихотворенія, собранныя въ предлагаемомъ изданіи, сохранились случайно, бывъ записаны со словъ поэта кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему людей, тотчасъ по ихъ прочтеніи. Остальныя — погибли невозвратно вмѣстѣ съ поэтомъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 7-го ноября 1837 года Одоевскій былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близь Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ ста Тифлиса. Одоевскій отправился туда вмѣстѣ съ Назимовымъ, тоже декабристомъ, переведеннымъ на Кавказъ рядовымъ. Подъѣзжая къ Ставрополю, увидали они стадо птицъ, направлявшихъ полетъ къ Кавказу. «Привѣтствуй ихъ!» сказалъ Назимовъ поэту. Одоевскій немного подумалъ и по-

томъ продекламировалъ свой прелестный экспромтъ, начинающійся стихомъ:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?

Сочувствіе всѣхъ благородныхъ людей и дружба многихъ, въ томъ числѣ и Лермонтова, встрѣтили Одоевскаго на Кавказѣ и вскорѣ заставили его позабыть свое тяжелое положеніе. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ, и тамъ, черезъ доктора Мейера, познакомился и сошелся съ Н. П. Огаревымъ, также пріѣхавшимъ туда лечиться. Эта интересная встрѣча описана Огаревымъ довольно подробно въ его статьѣ: «Кавказскія воды» *), къ которой мы и обращаемся теперь, какъ къ единственному источнику для уясненія характера Одоевскаго, этого по-истинѣ святого человѣка, котораго вся жизнь была посвящена служенію добру и истинѣ.

«Одоевскій былъ, безъ сомнѣнья», говоритъ Огаревъ, «самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

. . . . . блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую . . .

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка, въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ-быть эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христоподобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ,

*) «Полярная Звѣзда» на 1861, кн. VI, стр. 338.

съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь: съ той же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ-быть онъ даже любилъ свое страданіе; это совершенно въ христіанскомъ духѣ ... да не только въ христіанскомъ духѣ, это въ духѣ всякой преданности общему дѣлу, дѣлу убѣжденія, въ духѣ всякаго страданія, которое не вертится около своей личности, около неудачь какого нибудь мелкаго самолюбія. Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности. Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться. Изъ немногихъ, въ недавнее время напечатанныхъ его стиховъ, въ стихотвореніи «Къ отцу» напримѣръ — я узнаю эту теплую искренность, но это не та удивительная отдѣлка и гармонія стиха, которая осталась у меня въ памяти. Принадлежитъ ли это стихотвореніе къ очень юнымъ, или оно не точно записано? ... Онъ обыкновенно отклонялъ всякое записываніе своихъ стиховъ; я не знаю на сколько списки могутъ быть вѣрны. Хотѣлъ ли онъ пройти въ свѣтѣ «безъ шума, но съ твердостью», пренебрегая всякой славой? ... Чтобы ни было, но

. . . . . дѣла *его* и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ . . .

и у меня въ памяти осталась музыка его голоса — и только. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ преступленье,

ничего не записывая, хотя бы тайкомъ. Въ недогадливой безпечности, я даже не записалъ ни его, ни другихъ разсказовъ про Сибирь. И еще я сдѣлалъ преступленіе: въ моихъ безпутныхъ странствіяхъ, я гдѣ-то оставилъ его портретъ, сдѣланный карандашемъ еще въ Сибири и литографированный. Онъ представленъ въ какой-то чуйкѣ съ мѣховымъ воротникомъ и очень похожъ . . .

«Встрѣча съ Одоевскимъ и декабристами возбудила всѣ мои симпатіи до состоянія какой-то восторженности. Я стоялъ лицомъ къ лицу съ нашими мучениками, я — идущій по ихъ дорогѣ, я — обрекающій себя на ту же участь . . . это чувство меня не покидало. Я написалъ въ этомъ смыслѣ стихи, которые, вѣроятно, были плохи по формѣ, потому-что я тогда писалъ много и черезъ-чуръ плохо, но которые по содержанію навѣрно были искренни до святости, потому-что иначе не могло быть. Эти стихи я послалъ къ Одоевскому, послѣ долгихъ колебаній истиннаго чувства любви къ *нимъ*, и самолюбивой застенчивости. Часа черезъ два я самъ пошелъ къ нему. Онъ стоялъ середь комнаты; мои стихи лежали передъ нимъ на стулѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ, добрымъ участіемъ и раскрылъ объятія; я бросился къ нему на шею и заплакалъ какъ ребенокъ. Нѣтъ! и теперь не стыжусь я этихъ слёзъ; въ самомъ дѣлѣ это не были слёзы пустого самолюбія. Въ эту минуту я слишкомъ любилъ его и ихъ всѣхъ, слишкомъ чисто былъ преданъ общему дѣлу, чтобъ какое нибудь маленькое чувство могло имѣть доступъ до сердца. Они были чисты эти минуты, какъ рѣдко бываетъ въ жизни. Дѣло было не въ

моихъ стихахъ, а въ отношеніи къ начавшему, къ распятому поколенію — поколѣнія, принявшаго завѣтъ и продолжающаго задачу.

«Съ этой минуты мы стали близко другъ къ другу. Онъ — какъ учитель, я — какъ ученикъ. Между нами было слишкомъ десять лѣтъ разницы; моя мысль была еще не устоявшаяся; онъ выработалъ себѣ цѣлость убѣжденій, съ которыми я могу теперь быть несогласенъ, но въ которыхъ все было искренно и величаво. Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ. Онъ былъ мой критикъ. Изъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ писаній, давно заброшенныхъ, я всегда помнилъ исключительно два стиха, потому-что они ему понравились, и укралъ ихъ самъ у себя впослѣдствіи. Но гораздо большее вліяніе онъ имѣлъ на меня въ теоретическомъ направленіи, и на моей хорошо подготовленной романтической почвѣ быстро выростилъ христіанскій цвѣтокъ — блѣдный, унылый, съ наклоненной головою, у котораго самая чистая роса похожа на слёзы. Вскорѣ я могъ съ умиленіемъ читать Ѳому Кемпійскаго, стоять часы на колѣняхъ передъ распятіемъ и молиться о ниспосланіи страдальческаго вѣнца . . . за русскую свободу. Отъ этаго первоначальнаго стремленія, основнаго помысла ни онъ никогда не могъ оторваться, ни я, и къ нему, какъ къ единой окончательной цѣли, примыкало наше религіозное настроеніе, съ тою разницею, что онъ уже носилъ страдальческій вѣнецъ, а я его жаждалъ.

«Былъ ли Одоевскій католикъ или православный — не знаю. Припоминая время, въ два десятка лѣтъ уже такъ много поблѣднѣвшее въ памяти, мнѣ кажется, я долженъ придти къ отрицанію того и другого.

Онъ былъ просто христіанинъ, философъ или, скорѣе, поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотрѣченія, чувства преданности и забвенія своей личности; къ этому вели его и обстоятельства жизни, съ самой первой юности, и самый складъ мозга; это настроеніе было для него естественно. Но отъ этаго самаго онъ не могъ быть и православнымъ; церковный формализмъ былъ ему чуждымъ. Вообще церковь была ему не нужна; ему только было нужно подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась въ Христѣ.

. . . . . мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной . . .

то-есть мечты какого-нибудь личнаго счастья, онъ не ввѣрялъ, потому-что ее у него не было. Его мечта была только самоотверженіе. Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому-что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но, можетъ-быть, и при другихъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности; чисто къ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль. Что въ немъ отразилось направленіе славянства — это свидѣтельствуетъ пѣснь славянскихъ дѣвъ, набросанная имъ въ Сибири, случайно, вслѣдствіе разговоровъ и для музыки, и конечно принадлежащая къ числу его неудачныхъ, а не его настоящихъ, съ нимъ похороненныхъ стихотвореній. Она важна для насъ, какъ памятникъ, какъ свидѣтельство того, какъ въ этихъ людяхъ глубоко

лежали всѣ зародыши народныхъ стремленій; но и въ этой пѣснѣ выразились только заунывный напѣвъ русскаго сердца и тайная вѣра въ общую племенную будущность, а о православіи нѣтъ и помину . . .

«Въ августѣ мы поѣхали въ Желѣзноводскъ. Н. и Одоевскій переселились туда же. Мейеръ пріѣзжалъ какъ только могъ часто. Желѣзноводскъ мой любимый уголъ на кавказскихъ водахъ. Онъ лежитъ въ лѣсной долинѣ между Бештовой, Желѣзной и Змѣнной горами. Дикая прелесть и свѣжесть этаго мѣста, съ его зеленой тѣнью, даютъ отдыхъ послѣ Пятигорска, палимаго солнцемъ. Жизнь шла мирно въ кругу такъ для меня близкомъ. Я помню въ особенности одну ночь. Н., Одоевскій и я, мы ношли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся . . .

Долго слѣдилъ я эѳирную поступь . . .

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи.

«Въ одно утро я получилъ эстафету, что мой отецъ при-смерти боленъ. Я тотчасъ собрался въ

дорогу ... Грустно простился я съ моимъ Н. и на вѣки простился съ Мейеромъ и Одоевскимъ ... Мейеръ умеръ гдѣ-то на югѣ, среди дружнаго съ нимъ семейства генерала Раевскаго; онъ не долго пережилъ утрату Одоевскаго, не устоялъ передъ скорбью своего сердца. Исчезъ и онъ — тихій мученикъ за русскую свободу, поэтъ, міру невѣдомый; безслѣдно замеръ его голосъ — и только «Море Черное шумитъ не умолкая ...»

Одоевскій умеръ 10-го октября 1839 года, въ урочищѣ Кара-Агачъ, штабъ-квартирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Лермонтовъ почтилъ его память прелестнымъ стихотвореніемъ, которое мы и помѣщаемъ здѣсь.

2-го іюня 1862 г.

Л. Л. Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ
КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКАГО.

I.

КЪ ОТЦУ.

Какъ недвижи́мы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я — одинокъ и сиръ —
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ —
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чьё сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,

Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жь объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу пріиметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ!
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чолнъ, скользившій безъ кормила...
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ некровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ-тѣхъ-поръ — займется ли заря —
Молю я солнышко-царя,
И вотъ къ нему мое моленье:
«Меня, о солнце! воскреси,
«И дай мнѣ на святой Руси
«Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

«Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
«Игралище безумныхъ волнъ,
«На океанъ твоей державы,
«Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
«И грѣшной юности моей
«Не помяни ты въ царствѣ славы! . . .»

II.

МАТЕРИ.

Тебя ужь нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу . . .
Когда же ласточкой взовьюся
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю — и съ тобой сольюся
Въ одинъ эѳиръ,
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слёзъ —
На землю ту, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою нёсъ;
И, на землѣ блеснувъ слезою,
Взовьемся вновь —
Туда, гдѣ вѣчною зарею
Горитъ любовь . . .

III.

СЕНЪ-БЕРНАРЪ.

Во льдяныхъ шлемахъ великаны
Стоятъ, теряясь въ облакахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ·
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли.
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы, изъ вѣка въ вѣкъ.
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины!

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ покойный взоръ горитъ,
Души неодолимой сила.
Въ немъ зрѣетъ новая борьба,
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ —
И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошолъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сенъ-Бернаръ: «Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?» Онъ рёкъ — и шумная лавина

Ниспала и закрыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ —
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина:

«Я узнаю́ тебя! ты съ нильскихъ пирамидъ
«Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
«Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
«Побѣды гладъ неутолимый;
«И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
«Шумящее губительной грозою,
«Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
«Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя!»
— Впредъ! — отвѣтъ могучій прозвучалъ . . .
Уже надъ безднами виситъ стезя героя;
И вверхъ, по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ когтей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ;
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы,
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.

Мрачится Сенъ-Бернаръ; одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ, сто безднъ раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ мразомъ смерти дышитъ онъ.
— Впередъ! — воскликнулъ вождь. «Впередъ!» промчались клики . . .
Рѣдѣетъ мгла, и небо разсвѣло . . .
И гордую стопу занесъ уже Великій
На исполинское чело!

«Италія твоя, мой чудный побѣдитель!
«Въ лучахъ блеститъ Маренго! Цѣпь побѣдъ
«По міру прогремитъ; но встанетъ крѣпкій мститель —
«И ты на свой наступишь слѣдъ.
«Свершая замыслы всемірнаго похода,
«Ты помни: твой предтеча Аннибалъ,
«Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа —
«И грозный поворотъ фортуны испыталъ!

«Страшись! уже, на кликъ отечества и славы,
«Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей!
«Всходящая звѣзда мужающей державы
«Уже грозитъ звѣздѣ твоей!
«Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и всадникъ мѣдный:
«Ударитъ конь копытами въ гранитъ
«И, кинувъ огнь въ сердца, онъ искрою побѣдной
«Твой грозный лавръ испепелитъ!»

IV.

РОЗА И СОЛОВЕЙ.

«Что̀ ты склонилась такъ печально,
«Что̀ не глядишь ты на меня?
«Давно пою и славлю розу,
«А ты не слушаешь меня!»

— Зачѣмъ мнѣ слушать? слишкомъ громко
Поешь ты про свою любовь.

Мнѣ грустно: ты меня не любишь,
Поешь не для меня одной. —

«Но ты, какъ дѣва Франкистана,
«Не расточай души своей:
«Мнѣ одному отдай всю душу —
«Тогда я тихо запою.»

V.

КЪ ***.

Какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою —
А встрѣчусь — забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.

Хотѣлъ бы, какъ небо — въ глубь синяго моря,
Смотрѣть, и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой,
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать!

Но свѣта въ пространствѣ падучей звѣздою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо —
И снова не видно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя ...

VI.

А. С. ПУШКИНУ,

въ отвѣтъ на его посланіе: «Въ Сибирь».

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь покоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И въ нею грянемъ на царей —
И радостно вздохнутъ народы.

1827 г.

VII.

ИВАНУ ДМИТРІЕВИЧУ ЯКУШКИНУ,

раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры.

Въ странахъ, гдѣ сочны лозы виноградныя,
Гдѣ солнце, воздухъ, сѣнь лѣсовъ
Дарятъ живыя чувства и отрадныя,
И въ дѣвахъ дышетъ жизнь цвѣтовъ —
Ты былъ; пронесъ пытливый посохъ странника
Туда, гдѣ бьетъ Воклюзскій ключъ . . .
И гдѣ же встрѣтилъ я тебя, изгнанника?
Въ степяхъ, въ странѣ снѣговъ и тучь!
И чтожь осталось въ память солнца южнаго?
Одну лишь вѣтку ты хранилъ
Съ могилы Ла́уры: полный чувства дружнаго,
И ту со мною раздѣлилъ.
Такъ будемъ же печалями завѣтными
Дѣлиться здѣсь, въ отчизнѣ вьюгъ,
И крыльями, для міра незамѣтными,
Перелетать на свѣтлый югъ,
Туда, гдѣ долъ цвѣтетъ весною яркою
Подъ шопотъ авиньонскихъ струй,
Гдѣ мысль твоя съ Лау́рой и Петраркою
Слилась, какъ нѣжный поцалуй.

1827.

VIII.

ЭКСПРОНТЪ.

Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ ...
Люблю я всѣхъ — и пью за всѣхъ!
Вина, ей-Богу, не достанетъ!
Я меньше пью, за то къ вину
Воды во вѣкъ не примѣшаю ...
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

1828. Петровское.

IX.

КНЯГИНѢ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ.

(Въ день ея рожденія.)

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучь радостный — на небѣ тамъ рожденный —
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,

Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли —

И каждый день садились у ограды
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады . . .
Съ-тѣхъ-поръ — лились въ темницѣ дни, лѣта̀,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего . . .

25-го декабря 1829 года.

X.

ПРИ ИЗВѢСТІИ О ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ —
Она дрожитъ — еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны —

Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились . . .
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ! —
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поётъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, проливших лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ! Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей, и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень . . .

Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ . . .
Да судитъ Богъ! . . . А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

1831.

XI.

ДАЛЕКІЙ ПУТЬ.

(На пріѣздъ Камилы Петровны Ивашевой.)

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается;
Что не парень удалой
Бѣлымъ снѣгомъ опушается?
Нѣтъ! а ласточкой летитъ
По дорогѣ красна дѣвица;
Мчатся кони ... отъ копытъ
Вьется легкая мятелица.

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою въ даль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится:
Грустно ей — родная мать
Тужитъ тугою сердечною:
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

Сердцу горе суждено!
Сердце нà двое не дѣлится —
Разрывается оно ...
Дальній путь предъ нею стелится ...
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль,
За желѣзными затворами.

«Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ»,
Мыслитъ-молвитъ красна дѣвица:
«Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ ...
«Встань, неси меня мятелица —
«Занеси въ его тюрьму!
«Пусть, какъ птичка домовитая,
«Прилечу я — и къ нему
«Притаюсь, людьми забытая!»

1831.

XII.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И, вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путемъ
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали,
И согрѣвали духъ живительнымъ лучемъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня;
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья —
Казалось, предо-мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ; и блескъ всего созданья
Былъ ѐтсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести ...
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ —
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ —

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню ...
Что шагъ — то гробъ, на жизнь — отвѣтной жизни
нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ!

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось —
Все было ихъ огнемъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо-мной померкло и спустилось —
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ ...

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ —
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній,
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній —
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитáхъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы —
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

1832.

XIII.

НА СМЕРТЬ ГРАФА П. П. КОНОВНИЦЫНА.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ —
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы ...
Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей —
Вотъ были всѣ его желанья!
Уже минули дни страданья —
Ее опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутные свиданья,
Но ихъ взаимно-сладкій сонъ
Едва приснился имъ ... и снова
Изъ-подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ ...
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь —
И, не докончивъ сновидѣнья,
Уже онъ кончилъ жизни путь ...

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ съ горестью глубокой
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой —
И съ третьимъ именемъ потухъ ...

1832.

XIV.

СЛАВЯНСКІЯ ДѢВЫ.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы!
Что жь не поёте *ляшскія дѣвы*,
Въ ладъ ударяя легкой стопой?
Сербскія дѣвы! — пѣсни простыя
Любите пѣть; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.

Кто же напѣвы *чѐхинь* услышитъ,
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ —
Дышитъ любовью, славою дышитъ,
Помня всю жизнь и пѣснь и напѣвъ.
Дѣвы, согласно что не поёте
Пѣсни святой минувшихъ временъ?
Въ *голосъ единый* что не сольете
Всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣ́ку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинъ,
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полъ-міра собой,
Землю украситъ могучей красой!

Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана:
Славой гремитъ, но грустно живетъ,
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи —
Грустно чело, заплаканы очи,
И заунывно пѣсни поётъ.

Что же не выйдешь въ чистое поле —
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнушкѣ-волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей!
Въ поле спѣши съ меньшими сестрами
И хороводъ веди за собой;
Дружно сплетая руки съ руками,
Радостно пѣснь свободы запой!

Боже! когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ?
Да потечетъ сей потокъ-исполинъ,
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полъ-міра собой,
Землю украситъ могучей красой!

XV.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну ль гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! — туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ —
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ,
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью? . . .

1838 г.

XVI.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Мучительно слѣдить за медленной утратой,
Годами купленной, любовію богатой
И близкой намъ души. Нести завѣтныхъ узъ
Не въ силахъ бѣдная. Таинственный союзъ
Разрушенъ на всегда. Не умыселъ коварный
Созрѣлъ измѣною въ душѣ неблагодарной;
Ни легкомысліе, ни медленный расчетъ
На связи прежніе въ ней холодно встаетъ.
Другой лежитъ ей путь, другія впечатлѣнья
Уносятъ прежніе; ни гнѣва, ни презрѣнья,
А пламенныхъ молитвъ и непритворныхъ слёзъ
Достойна бѣдная. Блаженъ, кто перенёсъ
Паденіе ея безъ грѣшнаго укора —
Кто въ преступленіе ей не вмѣнилъ позора,
Кто цѣломудренно хранилъ въ душѣ своей
Воспоминаніе однихъ прошедшихъ дней,
Кто для нея сберегъ одни благословенья,
Да дружбу грустную, да славы умиленья!

XVII.

ТЫ ЗНАЕШЬ ИХЪ?

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,

Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку;
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ —
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въдаль . . . лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

Г. С. БАТЕНЬКОВЪ.

Г. С. БАТЕНЬКОВЪ.

(Біографическій очеркъ.)

Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ, сынъ бѣднаго офицера, служившаго въ Сибири, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, учился съ большимъ прилежаніемъ и былъ выпущенъ въ артиллерію. Въ 1814 году, на походѣ во Франціи, командовалъ онъ въ одномъ сраженіи двумя орудіями, и окруженный многочисленнымъ французскимъ отрядомъ, защищался отчаянно, не хотѣлъ здаваться и палъ со всею своею командою. Въ донесеніи сказано было: «потеряны двѣ пушки, со всею прислугою, отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера Батенькова». Французы, убирая мертвыя тѣла, замѣтили въ одномъ изъ нихъ признаки жизни, привели израненаго въ чувство и отправили въ лазаретъ. Его вылечили и вскорѣ размѣняли. По возвращеніи въ Россію, не чувствуя охоты къ гарнизонной службѣ, ограничивающейся караулами и парадами, Батеньковъ перешолъ въ вѣдомство путей сообщенія; тамъ охотно приняли хорошаго математика. Онъ принялся за дѣло усердно и внимательно, и вскорѣ пріобрѣлъ славу

умнаго, знающаго, полезнаго но *безпокойнаго* человѣка: титулъ даваемый всякому, кто не терпитъ дураковъ и мошенниковъ. Его не выгнали а командировали въ Иркутскъ, гдѣ онъ не могъ мѣшать ни кому, потому-что тамъ, по части путей сообщенія, ровно ничего не дѣлаютъ. Въ 1816 году происходила знаменитая ревизія Сибири. Сперанскій былъ посланъ туда для изслѣдованія злоупотребленій, притѣсненій и тиранствъ Пестеля, Трескина и другихъ коршуновъ, терзавшихъ нѣсколько лѣтъ эту несчастную страну. Сперанскій очутился тамъ какъ въ лѣсу, среди лютыхъ звѣрей и подлыхъ скотовъ; не зналъ на кого положиться, кого избрать себѣ въ сотрудники. Въ числѣ представлявшихся ему лицъ, замѣтилъ онъ инженеръ-капитана путей сообщенія, явившагося къ нему съ прочими чиновниками Иркутской губерніи. Молодой человѣкъ говорилъ умно, свободно, безъ раболѣпства и показывалъ совершенное знаніе тамошняго края и лицъ. Сперанскій взялъ его въ свою канцелярію, и вскорѣ убѣдился, что не ошибся. Батеньковъ понялъ дѣло въ совершенствѣ, и вскорѣ сдѣлался правою рукою Сперанскаго *). Онъ владѣлъ

---

*) «..... къ поѣзду его (Сперанскаго) присоединилось здѣсь (въ Тобольскѣ) новое лицо, тобольскій уроженецъ, воспитанный во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ, который, участвовавъ въ кампаніяхъ 1812—1815-го годовъ, въ 1816-мъ перешелъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, съ назначеніемъ на службу въ Сибирь. Въ описанное нами время еще молодой человѣкъ 26-ти лѣтъ, только что произведенный въ капитаны, онъ состоялъ производителемъ работъ въ Томскѣ и Иркутскѣ и носилъ званіе управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія, который, од-

перомъ въ высокой степени и написалъ много проэктовъ, и въ томъ числѣ (замѣчательно) *Уставъ о ссыльныхъ*. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, и по представленіи имъ донесеній и списковъ своихъ въ государственный совѣтъ, всѣ знающіе люди изумились скорой и тщательной ихъ обработкѣ. Графъ Аракчеевъ, искавшій людей способныхъ, спрашивалъ у Сперанскаго, кто помогалъ ему? Сперанскій назвалъ Батенькова, и по просьбѣ Аракчеева, предложилъ ему вступить въ службу по военнымъ поселеніямъ. Батеньковъ принялъ предложеніе съ тѣмъ, чтобъ ему не давали ни чиновъ, ни крестовъ, а только положили хорошее содержаніе. Его назначили членомъ совѣта военныхъ поселеній, съ десятью тысячами рублей (асигнаціями) жалованья. Онъ работалъ усердно и неутомимо. Аракчеевъ былъ имъ доволенъ, называлъ его: «мой математикъ», но мало-по-малу охладѣлъ къ нему, сталъ имъ пренебрегать, обременилъ работою, не давая ни какого поощренія. Батеньковъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго (въ

нако, и открытъ еще небылъ. Выѣхавъ на встрѣчу генералъ-губернатору изъ Томска въ Тобольскъ, онъ представилъ ему записку по своей части. Сперанскому нуженъ былъ знающій инженеръ для его проэктовъ по устройству сообщеній въ Сибири; сверхъ того и записка и ея сочинитель, въ которомъ тотчасъ можно было замѣтить пылкое воображеніе, творческія идеи и вообще блестящія дарованія, такъ ему понравились, что, оставя Батенькова при себѣ, онъ взялъ его съ собою въ Томскъ и въ Иркутскъ, а наконецъ, при выѣздѣ изъ Сибири, и въ Петербургъ. Постепенно, этотъ молодой человѣкъ, заслуживъ всю довѣренность своего начальника, сдѣлался какъ бы членомъ его семьи». («Жизнь графа Сперанскаго», т. II, стр. 194.)

домѣ Армянской церкви), занимался науками, напримѣръ: изъясненіемъ египетскихъ іероглифовъ, и изслѣдованіемъ разныхъ отраслей государственнаго управленія. Однажды прочиталъ онъ мнѣ прекрасный проэктъ устройства гражданской и уголовной части, въ которомъ было много ума, начитанности, наблюдательности, и ни малѣйшей собственно политической идеи, которая заставила бы подозрѣвать его въ либерализмѣ. Всѣ знали, что онъ приближонъ къ Аракчееву и пользуется его довѣренностью, и потому многіе боялись и остерегались его. Видя въ немъ человѣка умнаго и прямодушнаго, я обращался съ нимъ просто, и находилъ большое удовольствіе въ его бесѣдѣ ...

25-го ноября 1825 года, обѣдалъ я съ нимъ у И. В. Прокофьева *), и до обѣда бесѣдовалъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ему надоѣло служить у гадины Аракчеева, что онъ выходитъ въ отставку, и хочетъ посвятить себя наукамъ, занявъ гдѣ-нибудь мѣсто профессора математики. Все это было сказано просто, равнодушно, безъ злобы или огорченія. Съ тѣхъ поръ, до декабрскихъ дней, мы съ нимъ не видались. Я простудился на похоронахъ графа Милорадовича и слегъ въ постель. Ко мнѣ пришолъ, не помню кто-то, изъ канцеляріи графа Милорадовича, и сказалъ, между прочимъ, что взяли Батенькова. Это меня изумило до крайности. «Такимъ образомъ», сказалъ я: «доберутся и до графа Аракчеева». Оказалось потомъ, что Батеньковъ завербованъ былъ

*) Тогдашній директоръ Россійской-Американской Компаніи.

Прим. издателя.

въ общество Рылѣевымъ ..... Онъ не бывалъ на сходбищахъ и совѣщаніяхъ у Рылѣева, и весь день 12-го декабря, когда заговорщики разсуждали объ исполненіи своихъ замысловъ, просидѣлъ въ гостяхъ у А. И. Ростовцевой, матери Якова Ивановича. Его обвинили въ законопротивныхъ замыслахъ и въ знаніи умысла на цареубійство, и въ приготовленіи товарищей къ мятежу сочиненіями и совѣтами.

Судомъ былъ онъ приговоренъ къ вѣчной каторжной работѣ, но на дѣлѣ наказанъ гораздо строже, могу сказать — съ безчеловѣчіемъ. Его продержали два года въ крѣпости Шварттольмѣ, и потомъ восьмнадцать лѣтъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости. До вступленія въ должность шефа жандармовъ графа Орлова, не давали ему ни бумаги, ни книгъ. Онъ видѣлъ только тюремщиковъ, приносившихъ кушанье, всегда по-двое, чтобъ кто-нибудь съ нимъ не заговорилъ. Въ первые четыре года онъ несказанно мучился, а потомъ попривыкъ и въ немногіе часы, которые проводилъ на воздухѣ въ маленькомъ садикѣ, разведенномъ по распоряженію человѣколюбиваго М. Я. фонъ Фока среди Алексѣевскаго равелина, копался въ землѣ, какъ-то добылъ отростокъ яблони, посадилъ его въ землю, и жилъ до того, что ѣлъ съ нею яблоки. Въ 1844 году дали ему газеты. Онъ бросился на нихъ съ жадностью — и вдругъ прочиталъ въ нихъ: *Графъ Клейнмихель.* Изумленіе его возросло еще болѣе, когда онъ на слѣдующей страницѣ увидѣлъ: *министръ финансовъ Вронченко.* И въ самомъ дѣлѣ, каково должны идти дѣла въ государствѣ, гдѣ Николай Тургеневъ въ изгнаніи, Батеньковъ въ ужасной темницѣ, другіе въ Сибири, а

Клейнмихель и Вронченко — министры! Диво ли, что у насъ дѣла идутъ на перекоръ уму и совѣсти! Кто помогъ Батенькову въ его ужасномъ положеніи? — комендантъ И. Н. Скобелевъ, простой русскій человѣкъ, выслужившійся изъ солдатъ. Онъ при всякомъ случаѣ напоминалъ государю о бѣдномъ Батеньковѣ, и наконецъ добился, что его освободили изъ крѣпости и отослали на жительство въ Томскую губернію. Въ заключеніи своемъ онъ разучился-было говорить, хотя и привыкъ мыслить вслухъ. Онъ забылъ нѣкоторыя обыкновенныя слова, напримѣръ: *тараканъ*. Въ 1856 году былъ онъ прощенъ, вмѣстѣ съ прочими, о поселился въ Калугѣ. Въ нынѣшнемъ (1859) году пріѣзжалъ онъ въ Петербургъ, и я имѣлъ несказанное удовольствіе съ нимъ свидѣться. Онъ сохранилъ свой умъ прямой и твердый, но сдѣлался тише и молчаливѣе; о несчастій своемъ говоритъ скромно и великодушно, и ни на кого не жаловался, видя во всемъ неисповѣдимую волю Божію.

Не понимаю, какъ могли поступить съ нимъ такъ несправедливо и жестоко!... За что бѣдный Батеньковъ, невинный во всякой землѣ, кромѣ Персіи, Турціи и Россіи, пострадалъ болѣе другихъ? Умному, образованному, глубокихъ чувствъ человѣку просидѣть двадцать лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ огня, безъ бумаги, безъ книгъ, и не гоборя ни слова — ужасно! Недоумѣваю, но не могу не сказать: «Цари и мощные міра сего! помыслите, что вы смертны, и должны со временемъ отдать отчетъ Богу!»

Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ
Покрыты мракомъ очеса!

(Изъ «Записокъ не Декабриста».)

СТИХОТВОРЕНІЯ

Г. С. БАТЕНЬКОВА.

ОДИЧАЛЫЙ.

Pour lui il n'y a qu'une saison,
celle de la souffrence!

JACQUES ARAGO.

I.

Я прежде говорилъ: «прости!»
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вилися на пути,
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь «прости» всему на вѣкъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ! ... да! — для чувства лишь мученій!

Во мнѣ ли оттискъ божества?
Я ль созданъ міра господиномъ?
Создатель — благъ. Ужель ихъ два?
Могу ль Его назваться сыномъ? . . .

Шмели покоятся въ дуплѣ,
Червякъ въ пыли по волѣ гнется —
И имъ не тѣсно на землѣ:
Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
Имъ — все! А мнѣ едва во снѣ
Живая кажется природа . . .
Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзы́въ подобнаго мнѣ рода *).

II.

Вонъ тамъ туманъ густой вдали,
И буря тучами играетъ;
Вода одна, и нѣтъ земли;
Жизнь томно факелъ погашаетъ.
Вонъ тамъ на воздухѣ виситъ,
Какъ страшный оставъ, камень голый,
И — дикъ и пустъ — шумитъ, трещитъ
Вокругъ трущебой лѣсъ сосновый.

Тамъ сѣрый свѣтъ,
Пространства нѣтъ —
И время медленно ступаетъ . . .
Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ . . .
Пустыня въ си́ротствѣ рыдаетъ . . .

---

*) Авторъ намекаетъ на переговоръ свой съ товарищемъ заточенія, посредствомъ стучанія въ стѣну.

И тамъ уму
Въ тюрьмѣ тюрьму
Еще придумалось устроить . . .
Легко ему
Во мракѣ — тьму,
Въ тѣснинѣ — тѣсноту удвоить!
Тамъ пушекъ рядъ,
Тамъ ихъ снарядъ;
При каждомъ входѣ часовые.
Кругомъ крутятъ,
Кругомъ шумятъ
Морскія волны лишь сѣдыя.
Куда пойти?
Кому прійти
Сюда, безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти
Къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и проходящихъ.

Все это *тамъ*, друзья, для васъ —
И рѣдко вамъ на мысль приходитъ . . .
Все это *здѣсь*, друзья, для насъ:
Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ
Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый,
И на увлаженныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ.

Живой въ гробу,
Кляну судьбу,
И день несчастнаго рожденья!

Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья?

III.

Скажите: свѣтитъ ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
Имъ дышутъ ли зефиры въ полѣ?
По старому ль цвѣтетъ весна?
Ужель и люди веселятся?
Ужель *не ихъ* — ихъ не страшитъ?
Другъ другу смѣетъ повѣряться
И думаетъ и говоритъ? ...
Не вѣрю. Все перемѣнилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось ...
Но, можетъ-быть, лишь для меня!

IV.

Вонъ тамъ, весной,
Земли пустой
Кусокъ вода струей отмыла *).
Тамъ глушь: полынь и мохъ густой —
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой
Прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,

---

*) Противъ Швартгольма, недалеко отъ матерого берега, есть голый островъ, на которомъ хоронятъ умершихъ этой крѣпости.

И на покой
Чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится.

Не урна скажетъ, гдѣ лежитъ
Души безсмертной бренна рама;
Не пышный памятникъ стоитъ,
Не холмъ цвѣтистый — влажна яма.
Кто любитъ, не придетъ туда;
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда;
Его могильщикъ позабудетъ.
Здѣсь имя — въ гробовую тьму . . .
Добра о немъ уже не скажутъ —
И съ удовольствіемъ къ нему
Враги одно лишь зло привяжутъ.
Погибли чувства и дѣла,
Все доброе мое забыто,
И не осмѣлится хвала
Мнѣ приписать его открыто.

Довольно разъ
Къ цѣпямъ у насъ
Себѣ позволить отвращенье,
Сказать . . . поднять чело на часъ —
И расклокочется гоненье . . .

Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели
И кожей нетопырь шумитъ —
Вотъ пѣснь кругомъ сырой постели.
Песокъ несется, илъ тресется,

Выходитъ паръ изъ мокроты,
И ржавый мохъ въ болото ткется —
Вотъ мнѣ привѣтные цвѣты!
Придетъ холодный Финъ порой —
И, въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
Смутится самой тишиной,
И скажетъ: «Здѣсь пріютъ злодѣя —
Уйдемъ скорѣй, ужь скоро ночь!
Онъ чудится и въ гробѣ смутой . . .»
Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
Крестясь, пойдетъ оттолѣ прочь.

О, люди, знаете ль вы сами,
Кто васъ любилъ, кто презиралъ,
И для чего, подъ небесами,
Одинъ стоялъ, другой упалъ?
Пора придетъ: не лживый свѣтъ
Блеснетъ — всѣмъ будетъ обличенье . . .
Нѣтъ! не напрасно данъ завѣтъ,
Дано святое наставленье,
Что Богъ — любовь; и вамъ любить
Единый къ благу путь указанъ . . .
И Тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
Самъ былъ гонимъ, Самъ былъ наказанъ . . .
Но чѣмъ тò сердце будетъ здѣсь,
Которое любить умѣло,
И съ юныхъ лѣтъ уже презрѣло
Своекорыстіе и спѣсь?
Что будетъ око прозорливо,
Которое земли покровъ
Такъ обнимало горделиво
И бѣги мѣрило міровъ?

Что будетъ черепъ головной,
Разнообразныхъ думъ обитель? . . .
Земля смѣшается съ землей,
Истлитъ все время-истребитель!
Но скоро ли? Какъ для меня
Желателенъ конецъ дыханья!
Тлѣнъ благотворнаго огня
Сулитъ покой, конецъ страданья!
Но, други, въ этотъ самый часъ,
Какъ кончу я мой путь печальный,
Быть-можетъ, трепетъ погребальный
Раздастся въ сердцѣ и у васъ —
Иль межь душами нѣтъ сношеній,
И чувства чувство не пойметъ?
Ненужный вамъ для наслажденій,
Равно — живетъ иль не живетъ?

Ужель себя
Однихъ любя,
Во мнѣ лишь средство веселиться
Искали вы, и не скорбя,
Могли на вѣкъ со мной проститься?
И крови гласъ
Ужели васъ
Ко мнѣ порой не призываетъ?
И дружбы жаръ въ *прости* погасъ —
И стону хохотъ отвѣчаетъ? . . .

Пусть такъ. Забытый и гонимый,
Я сохраню въ груди своей
Любви запасъ неистощимый,
Для жизни новой, послѣ сей!

Вкушайте сильные покой,
Готовьте новыя мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Безсмертіе! Въ тебѣ одномъ
Одна несчастному отрада:
Покой — въ забвеньи гробовомъ,
Во упованіи — награда.
Здѣсь все, какъ сонъ, пройдетъ. Пождемъ —
Призывный голосъ навѣваетъ —
Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ,
Жизнь тихо теплится — и таетъ . . .

1827. Май.

Швартгольмъ,
крѣпость въ Финландіи.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

Прости, поэтъ! судьбина вновь
Мнѣ посохъ странника вручила;
Но къ музамъ чистая любовь
Ужь насъ на вѣкъ соединила.

Прости! Богъ вѣсть, когда опять —
Желанный другъ въ гостяхъ у друга —
Я счастье буду воспѣвать
И нѣгу празднаго досуга!

О, милый мой! все въ даръ тебѣ —
И грусть и сладость упованья!
Молись невидимой судьбѣ:
Она приблизитъ часъ свиданья.

И я, съ пустынныхъ финскихъ горъ,
Въ отчизнѣ браннаго Одена,
Къ ней возведу молящій взоръ,
Упавъ смиренно на колѣна.

Строга ль богиня будетъ къ намъ,
Пошлетъ ли вѣсть соединенья?
Пускай предъ ней сольются *тамъ*
Друзей согласныя моленья!

18 Января 1820 года.

Е. Баратынскій.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

(Біографическій очеркъ.)

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ воспитывался въ Лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, княземъ Горчаковымъ, Корфомъ и другими, успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзіею, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ Лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, потомъ поѣхалъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, который-было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ нѣкоторыми либеральными литераторами, и вздумалъ прочесть на французскомъ языкѣ лекцію въ Атене о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи, проникнутую идеями, которыя тогда (въ 1820 году) были

въ модѣ. Часть публики осталась равнодушною; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать — и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ, слушавшій его внимательно, поддержалъ его словами: «Ménagez vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous». Нарышкинъ, узнавъ объ этомъ, взбѣсился и отказалъ Кюхельбекеру отъ мѣста, и тотъ погибъ бы въ Парижѣ безъ помощи благороднаго Василья Ивановича Туманскаго (писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, неизвѣстно почему оставившаго службу и свѣтъ); онъ же помогъ Кюхельбекеру возвратиться въ Россію. Здѣсь онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ журналъ «Мнемозину»; потомъ участвовалъ въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ.

Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, но часто и жестоко надъ нимъ подшучивалъ. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ небылъ, тотъ отвѣчалъ: «мнѣ что-то нездоровилось ужь наканунѣ; къ тому же пришолъ Кюхельбекеръ — и я остался дома». Пушкинъ написалъ:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

Кюхельбекеръ взбѣсился и вызвалъ его на дуэль . . . *)

---

*) Выраженіе: *мнѣ кюхельбекерно* — сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ потребовалъ дуэли. Ни

Кюхельбекеръ служилъ въ 1824 году и на Кавказѣ, гдѣ пріятелемъ его былъ Грибоѣдовъ, встрѣтившій его у меня ... Въ Петербургѣ онъ занимался литературою, и въ послѣднее лѣто (1825 года) жилъ у меня, когда семейство мое было на дачѣ. Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера (на углу Почтамской улицы и Исакіевской площади). Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ Обществу вмѣстѣ со многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье 29-го ноября онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявлялъ сожалѣніе о смерти государя, и прибавлялъ, улыбаясь: «добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мной.» 14-го декабря, когда я въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были только: Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Д. А. Искрицкій и маклеръ Толченовъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней — и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита, и не здороваясь ни съ кѣмъ, подошолъ и спросилъ у меня: «Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le ma-

---

какъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: «Стрѣляй! стрѣляй!» Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что не возможно стрѣлять, потому-что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились. *Примѣчаніе издателя.*

nifeste?» — «Oui, c'est le manifeste. Ecoutez!» отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе. Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски: «А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?» — Я отвѣчалъ: «Я и не видалъ. Посмотримъ — отъ 26-го ноября.» — «Отъ 26-го», возразилъ онъ: «хорошо; прощайте!» — Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку: «Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!» — Онъ отвѣчалъ: «Здравствуйте и прощайте!» Съ сими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось? — «Ничего», отвѣчалъ я: «вѣроятно пишетъ оду на восшествіе на престолъ.» Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исакіевской площади. «Слышали ли вы», спросилъ одинъ изъ нихъ: «на Исакіевской площади бунтъ.» — «Знаю», отвѣчалъ онъ: «это наше дѣло.»

Поведеніе его на площади описано въ книгѣ барона Корфа, который однако, щадя школьнаго своего товарища, не называетъ его по имени. Онъ мѣтилъ пистолетомъ въ великаго князя Михаила Павловича... Достойно замѣчанія, что люди смѣтливые и проворные не успѣли бѣжать, а разсѣянный и неловкій Кюхельбекеръ ушолъ изъ Петербурга, и ушолъ бы за границу, если бы самъ не испортилъ дѣла. Когда стало извѣстнымъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ, приняты были всѣ средства, чтобы узнать гдѣ онъ и схватить его. Въ самый день 14-го декабря, часу въ первомъ ночи, когда всѣ въ домѣ у меня уле-

глись спать, раздался громкій звонъ колокольчика у дверей. Я вскочилъ съ постели, накинулъ на себя халатъ и вышелъ въ гостиную. Двери отворились и вошолъ полиціймейстеръ Чихачевъ, сопровождаемый отрядомъ Санта-Хермандада, квартальными, жандармами, драгунами, и т. п. Не извинясь въ томъ, что потревожилъ меня, онъ сказалъ мнѣ: «Извольте отвѣчать на эти вопросы» — и подалъ мнѣ бумагу, на которой было написано: «Гдѣ живетъ Кюхельбекеръ? гдѣ живетъ Каховскій?» При этомъ имени написано было въ скобкахъ: (у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссара). Было еще нѣсколько именъ, которыхъ не упомню. Я отвѣчалъ: «Кюхельбекеръ живетъ, сколько я знаю, неподалеку отсюда въ домѣ Булатова. У Каховскаго адресъ поставленъ, но вѣрно ли — мнѣ не извѣстно. О прочихъ не знаю.» — «Точно ли такъ?» спросилъ Чихачевъ. — «Точно!» — «Знаете ли вы, кто написалъ это? самъ государь.» — «Хорошо пишетъ», сказалъ я. Полиціймейстеръ откланялся.

Въ четвертокъ, 17-го декабря, пришолъ ко мнѣ братъ мой, стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ двое сутокъ. Мы пошли съ нимъ пройтись по улицамъ, и около четырехъ часовъ подошли обратно къ моей квартирѣ (въ домѣ Бремме, на углу Новоисакіевской улицы и Исакіевской площади). Я спросилъ, будетъ ли онъ у меня обѣдать. Братъ извинился тѣмъ, что не хочетъ въ нынѣшнее смутное время оставить свою роту. Вдругъ увидѣли мы жандарма, который усиливался разобрать прозваніе домохозяина на бляхѣ дома. «Кого тебѣ надобно?» спросилъ я. — «Въ домѣ Бремме ищу коллежскаго

совѣтника Г—а.» — «На что тебѣ?» — «Оберъ-полиціймейстеръ проситъ его прійти тотчасъ къ нему.» — «Я этотъ Г—ь», отвѣчалъ я: «ступай и скажи, что я сейчасъ буду.» Съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ я брату: «Ты знаешь куда я иду. Если не ворочусь, отыщи меня и приходи ко мнѣ.» Нанялъ извозчика, заѣхалъ къ Булгарину, жившему въ Офицерской, въ домѣ Струговщикова, нынѣ Сольскаго, и объявилъ куда ѣду. Когда я вошолъ въ гостиную оберъ-полиціймейстера А. С. Шульгина, онъ хватилъ полный стаканчикъ рому, вѣроятно съ утра уже не первый, и сказалъ мнѣ довольно учтиво: «Я долженъ попросить у васъ объясненія по одному дѣлу, и прошу васъ сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.» — «И безъ этаго предисловія, во всякомъ случаѣ скажу вамъ сущую правду. Что вамъ угодно знать?» — «Знаете ли вы Кюхельбекера?» — «Знаю, и очень коротко: онъ жилъ у меня все нынѣшнее лѣто.» — «И вы его узнаете, когда вамъ его покажутъ?» — «Непремѣнно.» — «Итакъ пожалуйте.» Онъ ввелъ меня въ другую комнату. Тамъ поднялся съ софы высокій, худощавый молодой человѣкъ. — «Кюхельбекеръ ли это?» — «Нѣтъ.» — «А кто онъ?» — «Не знаю.» — Тогда молодой человѣкъ возопилъ жалкимъ голосомъ: «Какъ это, Николай Ивановичъ, вы не хотите узнать меня? Сколько разъ видали меня у Александра Ѳедоровича Воейкова. Я Протасовъ, племянникъ Александры Андреевны.» — Я взглянулъ и вспомнилъ, что дѣйствительно его тамъ видалъ. «Довольно», сказалъ Шульгинъ: «намъ нѣтъ нужды знать кто онъ; доволно того, что онъ не Кюхельбекеръ.» — «Въ

этомъ я могу васъ увѣрить», сказалъ я: «да какъ вы напали на этого господина?» — «Мы ищемъ Кюхельбекера, по сообщеннымъ намъ примѣтамъ. Вотъ полиція нашла этаго долговязаго господина, какъ онъ кутилъ въ загородныхъ трактирахъ, и наложила на него руку. Извините, что я васъ обезпокоилъ.» — «Очень радъ, что не больше», отвѣчалъ я и попросилъ скорѣе отпустить невиннаго.

Полиція искала Кюхельбекера по его примѣтамъ, которыя описалъ Булгаринъ очень мѣтко. Но въ Петербургѣ Кюхельбекера не было. Онъ, не знаю какъ, пробрался до Варшавы и оттуда легко успѣлъ бы уйти за границу; если бъ онъ говорилъ и имѣлъ дѣло только съ Поляками и жидами, то вѣроятно ускользнулъ бы отъ поисковъ; но судьба навела его на русскихъ. Онъ вошолъ въ одну харчевню или пивную лавочку въ Прагѣ (предмѣстье Варшавы) и, увидѣвъ пирующихъ тамъ солдатъ, сѣлъ съ ними, началъ бесѣдовать и подчивать ихъ пивомъ. Въ этой бесѣдѣ открылся онъ весь какъ былъ и какъ описанъ въ примѣтахъ. Одинъ изъ присутствующихъ, унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьевъ, догадался, кто долженъ быть этотъ угоститель, и закричалъ: «Братцы, возьмите его: это Кюхельбекеръ!» Его схватили, заковали и отправили въ Петербургъ... Кюхельбекеръ не былъ сосланъ въ Сибирь а сидѣлъ нѣсколько лѣтъ на гауптвахтахъ въ Финляндіи и въ западныхъ губерніяхъ *). Между прочимъ содержался

*) Кюхельбекеръ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ, и содержался первое время въ Шлюссельбургской крѣпости, откуда, по высочайшему повеленію, переведенъ,

онъ въ Динабургской крѣпости, но ходилъ на свободѣ и занимался обученіемъ дѣтей коменданта ...

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, братъ Вильгельма, но мало на него похожій, твердый характеромъ, скромный, хорошій морской офицеръ *), правдивый и неуступчивый ... Михаилъ Кюхельбекеръ увлеченъ былъ въ заговоръ, вѣроятно, дружбою съ Николаемъ Бестужевымъ и Торсономъ и безропотно подвергся постигшему его жребію. Братья не видались во все продолженіе процесса. Когда ихъ вывели изъ казематъ (13-го іюля 1826 года) на гласисъ Петропавловской крѣпости, для выслушанія приговора, восторженный Вильгельмъ, еще болѣе размягченный въ

12-го октября 1827 года, въ Динабургъ и зачисленъ въ ротѣ срочныхъ арестантовъ. 10 апрѣля 1831 года онъ былъ перемѣщенъ въ Ревель, а 25 апрѣля того же года въ Свеаборгскую крѣпость. Пробывъ здѣсь почти четыре съ половиною года, онъ былъ отправленъ, 14 декабря 1835 года, въ Баргузинъ (заштатный городъ Забайкальской области, въ Восточной Сибири); спустя четыре года, именно — въ сентябрѣ 1839 года, онъ былъ переведенъ въ Акшинскую крѣпость, а въ іюлѣ 1844 года въ Смоленскую слободу (Курганскаго уѣзда Тобольской губерніи), гдѣ и умеръ 14 августа 1846 года отъ чахотки. Кюхельбекеръ женился въ Сибири и имѣлъ дѣтей, изъ которыхъ — старшій сынъ служитъ нынѣ, подпоручикомъ и находится при стрѣлковой школѣ (въ Царскомъ-Селѣ), а старшая дочь живетъ у родной своей тетки, М. К. Глинки. Онъ много писалъ и оставилъ по себѣ цѣлый сундукъ рукописей. Умирая, онъ сказалъ женѣ: «Это мое состояніе: сохрани для дѣтей.» *Примѣчаніе издателя.*

*) «До 14-го декабря М. К. Кюхельбекеръ былъ морскимъ гвардейскимъ офицеромъ, ходилъ кругомъ свѣта и объ этомъ времени любилъ разсказывать — это было для него лучшимъ воспоминаніемъ въ жизни.» («Колоколъ», 1860, No. 61, стр. 503.)

тюрьмѣ, кинулся къ Михаилу со слезами и съ восторженными словами о покояніи, раскаяніи, покорности судьбѣ и т. п. Михаилъ отвѣчалъ твердо и спокойно: «Я зналъ, что дѣлалъ, зналъ, что произойдетъ изъ этаго и безропотно подвергаюсь наказанію!» Когда ссылаемымъ въ Сибирь предложено было, въ напутствіе, исполнить долгъ христіанскій покаяньемъ и причащеніемъ святыхъ тайнъ, Вильгельмъ, пріобщившись съ глубокимъ чувствомъ и горькими слезами, просилъ пастора смягчить затвердѣлое сердце его брата. Михаилъ встрѣтилъ пастора учтиво, почтительно, но спокойно, и сказалъ: «Не чувствую теперь необходимости пріобщаться. Ѣду въ Сибирь по рѣшенію правительства, какъ, бывало, отправлялся въ походъ. Не зная за собою ни какого грѣха, думаю, что могу ѣхать и такъ» *). Онъ отправился въ Сибирь, и безмолвно исполнялъ всё, что отъ него требовалось. По минованіи годовъ каторги, онъ пе-

---

*) «До конца своей жизни онъ остался вѣренъ убѣжденіямъ, которыя повели его въ ссылку; не смотря на крайнюю бѣдность, съ которою боролся до могилы, онъ отличался самой неукоризненной чесностью, прямымъ характеромъ, говорилъ правду рѣзко въ глаза .... Много горя испыталъ Михаилъ Карловичъ на своемъ вѣку, кромѣ бѣдности, но онъ никогда не говорилъ о немъ съ людьми даже самыми близкими. Женатъ онъ былъ на баргузинкѣ и имѣлъ 6 дочерей. Трудно было ему жить; честность его отвергала всякое пособіе (такъ онъ никогда не хотѣлъ пользоваться пенсіей 114 р. с., назначенной правительствомъ ежегодно всѣмъ политическимъ изгнанникамъ); съ большимъ трудомъ можно было уговорить его взять денегъ взаймы; это случалось очень рѣдко, и только въ крайнихъ случаяхъ онъ соглашался на просьбу.» («Колоколъ», 1860, No. 61, стр. 503.)

решелъ на поселеніе *), и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвицею (кажется, дочерью священника), женился на ней и былъ совершенно счастливъ. Что жь? Чрезъ нѣсколько лѣтъ узнали, что онъ когда-то крестилъ съ нею ребенка — и бракъ былъ расторгнутъ на основаніи богопротивнаго закона о духовномъ родствѣ **). Что было съ нимъ потомъ —

---

*) «Михаилъ Карловичъ поселился въ Баргузинѣ, гдѣ онъ съ трудомъ, кое-какъ перебиваясь, прокармливалъ семью свою, живя въ убогомъ домѣ, который долгое время стоялъ безъ крыши, потому-что не хватало у него средствъ ее сдѣлать. Но и въ этой глуши, несмотря на недостатки и лишенія, онъ не оставался безъ дѣятельности. Бѣдный городишко не имѣлъ ни врача, ни аптеки; Михаилъ Карловичъ насколько могъ выучился медицинѣ и сталъ подавать пособіе больнымъ. Много лѣтъ продолжалось это полезное и въ высшей степени безкорыстное служеніе обществу; старика всѣ знали, всѣ любили и уважали въ городѣ и окрестностяхъ — многіе были обязаны ему за спасеніе жизни, за дружескій уходъ, полный участія, во время болѣзни. Лечилъ онъ на свои гроши; никогда ни отъ кого не принималъ платы за леченіе и лекарства, никогда не отказывался придти на зовъ больнаго, а больные эти были бѣдняки, простолюдины. Такъ прошла жизнь этаго достойнаго человѣка въ глухомъ уголку Сибири и недавно (въ сентябрѣ 1859 года) смерть застигла его, внезапно, за дѣломъ, у постели больнаго, которому онъ пришолъ помочь, быть-можетъ, на послѣднюю свою гривну.» («Колоколъ», 1860, No. 61, стр. 503.)

**) «Много лѣтъ спустя послѣ его (Кюхельбекера) женитьбы, попъ донесъ архіерею, что онъ женатъ на своей кумѣ. Пошло дѣло. Синодъ приказалъ расторгнуть бракъ, признавъ только двухъ дочерей законными, а остальныя четыре остались безъ имени, а потому и безъ средствъ получить воспитаніе. Нѣсколько разъ просилъ отецъ о признаніи дочерей законными, мудрое правительство постоянно ему въ

не знаю. Думаю только: должно же непремѣнно быть возмездіе на томъ свѣтѣ за бѣдствія, притерпѣваемыя людьми въ нынѣшнемъ, отъ варварскихъ законовъ, вымышленныхъ невѣжествомъ, злобою и фанатизмомъ.

(Изъ «Записокъ не Декабриста.»)

этомъ отказывало, забывая при этомъ, что Кюхельбекеръ былъ протестантъ, могъ не знать законовъ русской церкви, что виноватъ былъ попъ, допустившій его въ воспріемники ребенка чуждой ему вѣры и затѣмъ обвѣнчавшій на кумѣ.» («Колоколъ», 1860, No. 61, стр. 503.)

ПѢСНИ ОТШЕЛЬНИКА.

(В. К. Кюхельбекера.)

I.

ВОПРОСЫ.

(3.)

Ужель и неба лучшіе дары
Въ подлунномъ мірѣ только сновидѣнье?
Ужель по тверди только до поры
Свершаютъ звѣзды дивное теченье?
Должно ли вѣдать гнѣвъ враждебныхъ лѣтъ,
Душа души, святое вдохновенье,
Должно ли опадать въ одно мгновенье,
Какъ въ осень сорванный со стебля цвѣтъ?
Увы мнѣ! съ часу нà часъ рѣже, рѣже
Живительнымъ огнемъ согрѣтъ мой духъ!
И тотъ же міръ и впечатленья тѣ же,
Но прежнихъ пѣсней не уловитъ слухъ,
Но я не тотъ; ужь нѣтъ живого чувства,
Которымъ средь свободныхъ, смѣлыхъ думъ

Бывалъ отважный окрыляемъ умъ:
Я робкій рабъ холоднаго искусства —
Сѣдѣетъ волосъ въ осень скорбныхъ лѣтъ;
Ни жару, ни цвѣтовъ весеннихъ нѣтъ ...

II.

МОРЕ СНА.

(4.)

Мнѣ вѣдомо море, сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный простерся туманъ,
Надъ нимъ лучезарный не катится щитъ;
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.

Пускай океана невѣдомъ конецъ —
Его не боится отважный пловецъ;
Въ него меня манитъ не занятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный плескъ.

Въ него погружаюсь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полуночный приливъ,
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ больную вливается грудь тишина.

И вдругъ я на берегѣ — будто знакомъ!
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ:
Изъ оконъ мнѣ милыя лица глядятъ
И рѣчи привѣтныя слухъ веселятъ.

Не милыхъ ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?

Всѣ, всѣ они здѣсь! удержать не могли
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни нѣдра земли!

По прежнему льется живой разговоръ;
По прежнему свѣтится дружескій взоръ ...
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.

Но, ахъ! предъ зарей наступаетъ отливъ —
И слышится мнѣ неотрадный призывъ ...
Развѣялось все — и мерцаніе дня
Въ пустынѣ глухой освѣтило меня.

III.

НАДЕЖДА.

(8.)

ПУСТЫННИКЪ И НѢСКОЛЬКО ГОРОЖАНЪ.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Отъ веселья мы устали,
Утомились отъ трудовъ:
Бремя сбросили печали,
Грузъ заботъ, суетъ и сновъ ...
Подъ крыломъ уединенья,
Въ мирной хижинѣ съ тобой
Не живетъ ли вдохновенье,
Свѣтъ, и мудрость, и покой?
Пѣсней, пустынникъ! — Златые перуны
Солнце выводятъ обратно въ лазурь;

Пусть же, подобно, могучія струны
Въ насъ воскресятъ тишину послѣ бурь!

ПУСТЫННИКЪ.

Пѣсней! — но какихъ? Мой голосъ
Въ дряблыхъ персяхъ ослабѣлъ;
Стынетъ сердце; рѣдкій волосъ,
Будто снѣгъ нагорный, бѣлъ . . .
Мнѣ ли пѣть пиры, забавы,
Игры, смѣхи, шумъ и блескъ?
Мнѣ ли пѣть безумье славы,
Кровь и вопли, стонъ и трескъ?
Пѣсни такія пѣвалъ я, но прежде;
Нынѣ другія, другія пою:
Тихія пѣсни небесной надеждѣ —
Ей посвятилъ я и душу мою.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Ты трепещешь предъ могилой —
Ты не можешь вновь ожить;
Не тебѣ, отшельникъ хилый
Радость и войну хвалить.
Но еще ль не отлетѣли
Дни, гдѣ рабствовалъ мечтѣ?
Ты стоишь у самой цѣли:
Ты ль по-нынѣ въ слѣпотѣ?
Скажешь ли: «тягостно старцу сѣдому
Сбросить, расторгнуть истлѣвшую сѣть?
Ей ли, надеждѣ, призра́ку пустому
Пѣсни на прагѣ ничтожества пѣть?

ПУСТЫННИКЪ.

Скоры вы и строги дѣти!
Приговоръ вашъ скоръ и строгъ;
Но избѣгнуть этой сѣти
Кто же земнородный могъ?
Всѣхъ владычица надежда:
Царь и пахарь — слуги ей,
Рабъ ей мудрый, рабъ невѣжда,
Рабъ и правый и злодѣй.
Какъ вожделенной, веселой денницы
Свѣтъ изъ-за крова ненастнаго тучь,
Такъ даже къ узнику въ бездну темницы
Льется надежды божественный лучъ.

ТРЕТІЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Пусть! — но, старецъ, не мечта ли
Сей владыка, сей кумиръ?
Ахъ! ему не слѣпота ли
Покорила буйный міръ?
«Счастье тамъ въ туманной дали,
«Смѣхъ и наслажденье тамъ!»
Мы туда — и что жь? — печали,
Скорбь и боль на встрѣчу намъ.
Цѣлаго міра царица надежда;
Но не равно ли игралища лжи
Пахарь, властитель, мудрецъ и невѣжда?
Міръ не безуменъ ли, старецъ, скажи? . . .

ПУСТЫННИКЪ.

Други, други! — святотатство
Поклоняться суетѣ!

Чья надежда на богатство —
Да предастся нищетѣ:
Гордый ляжетъ онъ на ложѣ,
Упованьемъ обуянъ,
Но пробудится — и что же?
Въ прахъ низверженъ истуканъ!
Идолъ разбитъ справедливой судьбою,
Идолъ, которому бѣдный кадилъ;
Злато разсѣялось вмѣстѣ со тьмою,
Вмѣстѣ съ ночными огнями свѣтилъ.

Столь же грѣшенъ шумъ безумный,
Столь же скоро долженъ пасть,
Кто надменностію шумной
Сталъ — и оперся́ на власть;
Кто, главою дерзновенной
Возвышаясь до небесъ,
Рёкъ: «возсяду надъ вселенной!»
Вѣтеръ дунулъ — онъ исчезъ ...
Тѣло его — не орловъ ли добычей,
Снѣдію врановъ и яствою псовъ?
Имя и память не стали ли притчей,
Смѣхомъ и баснею праздныхъ умовъ?

Горе, горе, нечестивый!
«Богомъ будетъ мнѣ мой умъ!»
Такъ вѣщалъ слѣпецъ кичливый,
Омраченный мглою думъ.
Провѣщалъ — и въ тожь мгновенье,
Какъ зарница, умъ потухъ:
Тьма и ужасъ, и мученье ...
И хохочетъ адскій духъ ...

Нѐбылъ ли умъ твой свѣчею невѣрной,
Плачущей ночью надъ тиною блатъ?
Горе! — погрязнулъ ты въ безднѣ безмѣрной!
Горе! ты гибелью жадной объятъ!

Грѣетъ солнце — и кружится
Насѣкомыхъ легкій рой;
Сядетъ солнце — рой умчится:
Страшенъ холодъ имъ ночной.
Не надѣйся братъ на брата,
Не надѣйся на друзей:
Ты лишился силъ и злата —
Братъ и другъ тебѣ злодѣй.
Если жь и душу найдешь между тьмами,
Душу единую — что человѣкъ?
Мы надъ отверстыми ходимъ гробами:
Вѣкъ человѣка, не травки ли вѣкъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Такъ, сѣдой пустыни житель!
Не надеждны братъ и другъ:
Мигъ — и гдѣ же покровитель?
Мигъ — и гдѣ жь усердье слугъ?
Мигъ — и нѣтъ богатствъ и силы,
И погибли умъ и власть!
Только шагъ намъ до могилы:
Что жь? — прельщаться наша часть?
Самъ ты, испытанный жизнью суровой,
Мудрый, постигшій обманъ суеты,
Дряхлый, спуститься въ могилу готовый,
Сердцемъ надеждѣ же служишь и ты!

ПУСТЫННИКЪ.

Ей и въ грозное мгновенье
Не престану я служить,
Какъ расторгнетъ Провидѣнье
Дней моихъ земную нить.
Здѣшній міръ не горсть ли праха?
Но я живъ и безъ конца!
Нѣтъ, не буду жертвой страха:
Смерть не входитъ въ домъ Отца.
Братья, на немъ основалъ я надежду!
Мнѣ не измѣнитъ надежда моя.
Съ радостью бренную сброшу одежду,
Ризу ничтожную: риза — не я.

Здѣсь, въ юдоли слёзъ и ночи,
Лучъ надежды мнѣ свѣтлѣлъ,
Мнѣ живилъ и духъ и очи,
Мнѣ являлъ иной предѣлъ —
Тотъ предѣлъ, гдѣ исполненье,
Гдѣ снятà завѣса тьмы,
Гдѣ загадокъ разрѣшенье,
Гдѣ, какъ Онъ, безсмертны мы.
Горьній вожатый, надежда святая!
Страннику ты въ лучезарной дали
Путь указала къ предверію рая:
Что при тебѣ испытанья земли!

Оглянусь назадъ — и что же?
Будто сонъ, прошли онѣ,
Сонъ, слетающій на ложѣ
Въ полуночной тишинѣ.

Но вотъ вскрикнулъ громкій пѣтелъ —
Мракъ развѣянъ, сонъ исчезъ;
Чистъ и радостенъ и свѣтѣлъ
Необъятный сводъ небесъ;
Солнце всплыло изъ горящаго моря,
Гордо подъяло златое чело:
Нѣтъ и слѣда пролетѣвшаго горя;
Въ благо вліялося мнимое зло.

ГОРОЖАНЕ.

Горе тѣмъ, чье упованье
Суета, и прахъ, и тлѣнъ!
Не легко тому страданье;
Но и въ скорби тотъ блаженъ,
Кто надѣется на Бога,
Кто, смиривъ души раздоръ,
Къ свѣту горняго чертога
Возвышаетъ свѣтлый взоръ!
Онъ и въ семъ мірѣ, мятежномъ и тѣсномъ,
Ангеловъ братъ и заранѣ жилецъ
Сѣни таинственной въ краѣ небесномъ,
Гдѣ ему домъ уготовалъ Отецъ.

IV.

Я ЕСМЬ — КОНЕЧНО ЕСТЬ И ТЫ!

(10.)

Онъ есть! — умолкни лепетанье
Холодныхъ, дерзостныхъ слѣпцовъ!
Онъ есть! я рукъ его созданье;
Онъ царь и Богъ своихъ міровъ.

Въ немъ жизнь, и свѣтъ, и совершенство;
Благоговѣть предъ Нимъ — блаженство:
Блаженство называть Творца
Священнымъ именемъ Отца.

«Не рвися думой за могилу!
«Дѣла, дѣла — вотъ твой удѣлъ!
«Опрись на собственную силу,
«Будь твердъ, и доблестенъ, и смѣлъ!
«Увѣренъ ты въ себѣ единомъ —
«Такъ изъ себя все почерпай:
«И міра будешь властелиномъ,
«И обрѣтешь въ себѣ свой рай!»

Денницы падшаго ученье,
Сліянье истины и лжи!
Мудрецъ! я есмь въ сіе мгновенье,
А былъ ли прежде? мнѣ скажи!
Теперь я мыслю — а давно ли?
И сталъ я отъ своей ли воли?
И какъ изъ недръ небытія
Вдругъ просіяло это «я»?

Владѣй страстьми, брось лицемѣрье!
Повѣдай: радость и печаль,
Любовь и гнѣвъ, высокомѣрье,
И страхъ, и зависть ты всегда ль
Смирялъ успѣшно? крови пламень
Тушилъ всегда ли? Я не камень:
Бываю выше суеты,
Но помощію съ высоты.

Пусть умъ не постигаетъ Бога —
Что нужды? — вижу я Его:
Тамъ среди звѣзднаго чертога,
Здѣсь въ глуби сердца моего
И въ чудесахъ моей судьбины.
Такъ, буду жить я безъ кончины
Неразрушимымъ бытіемъ
Могучимъ, вѣчнымъ — но о Немъ!

Онъ недоступенъ для гордыни,
Онъ тайна для очей ума;
Блеснуть былъ долженъ лучъ святыни,
Чтобы расторглась наша тьма ...
И се блеснулъ! — Я вѣсти внемлю:
Всевышній самъ сошелъ на землю —
Отецъ духовъ, владыка силъ,
Богъ въ Сынѣ намъ себя явилъ.

V.

СОНЪ И СМЕРТЬ.

(12.)

О сонъ безмолвный! благотворный геній!
Таинственный! — сколь ты могучъ и тихъ!
Ты царь, и правишь племенемъ видѣній!
Тотъ счастливъ, кто въ объятіяхъ твоихъ
Забвенье всѣхъ житейскихъ пьетъ волненій;
Ты повѣлишь ли, кроткій духъ утѣхъ,
И въ мигъ тоску страдальца смѣнитъ смѣхъ.

Тому, кто разлученъ на вѣкъ съ друзьями,
Священныя, родныя имена
Не ты ль твердишь волшебными устами?
Тобой пустыня вдругъ населена:
На *нихъ* восторга полными очами
Онъ смотритъ, внемлетъ сладкимъ ихъ рѣчамъ,
Ихъ руку жметъ: онъ съ милыми — онъ тамъ!

Скажи же мнѣ, мой горній утѣшитель,
Душѣ моей встревоженной открой:
Кто тотъ другой могучій усыпитель,
Тотъ духъ нѣмой и грозный? Братъ ли твой?
Его земли мгновенный посѣтитель,
Страшливый гость подъ солнцемъ, человѣкъ,
Суровымъ, тяжкимъ именемъ нарекъ ...

Твой братъ, или ты самъ, но измѣненный,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, съ завѣшаннымъ челомъ?
Готовъ я, зноемъ жизни изнуренный,
Назвать могилу сладостнымъ одромъ.
Властитель дивный, мракомъ покровенный,
Поставившій средь ночи свой престолъ!
Да внемлешь мнѣ, да примешь мой глаголъ:

Когда закроешь мнѣ на долго вѣжды
И остановишь токъ моей крови,
И снимешь бремя тягостной одежды
Съ раменъ моихъ — тогда ты мнѣ яви
Нетщетными обѣты той надежды,
Обѣты тѣхъ божественныхъ свѣтилъ,
Для коихъ я дышалъ, страдалъ и — жилъ!

VI.

БРАТУ.

(13.)

Повсюду вижу Бога моего!
Онъ чадъ своихъ отецъ — и не покинетъ,
Нѣтъ не отвергнетъ никогда того,
Въ комъ вѣра въ Милосерднаго не стынетъ.

Господь, мой Богъ — на сушѣ, на водахъ,
И въ шумномъ множествѣ, въ мірскомъ волненьи,
И въ хижинѣ, и въ пышныхъ теремахъ,
И въ пристани души — въ уединеньи . . .

Нѣтъ мѣста коего лучемъ своимъ
Не озарялъ бы Онъ, повсюду-сущій;
Нѣтъ мрака, нѣтъ затьмѣнья передъ Нимъ:
Всѣмъ близокъ Благостный и Всемогущій!

Онъ близокъ: я уже Его узналъ
И здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ моей темницы;
И здѣсь, среди сѣдыхъ, угрюмыхъ скалъ,
Меня покрыла сѣнь Его десницы.

Онъ близокъ! — близокъ и тебѣ, мой другъ!
Къ Нему лети на крыльяхъ упованья . . .
Его услышишь въ самомъ стонѣ вьюгъ
И узришь въ льдинахъ твоего изгнанья!

1831.

VII.

БЛАЖЕНСТВО.

(Изъ Геллерта.)

(16.)

По краткомъ срокѣ испытанья
Безсмертье ожидаетъ насъ:
Тогда поглотитъ всѣ стенанья
Исполненный восторга гласъ;
Мы здѣсь обречены трудамъ —
Тамъ наше воздаянье — тамъ!

Тамъ! ... Ужь и здѣсь часы блаженства
Даются чистому душой;
Но на землѣ нѣтъ совершенства,
Не проченъ и сердецъ покой:
Былъ человѣкомъ человѣкъ —
И человѣкомъ будетъ вѣкъ.

Тò міръ съ своими суетами,
Тò врагъ, который въ насъ самихъ
И рѣдко побѣждаемъ нами,
Тò преткновенье отъ другихъ,
Тò немощь, тò соблазнъ утѣхъ
Ввергаютъ насъ въ печаль и грѣхъ.

Здѣсь часто добродѣтель страждетъ,
Порокъ во славу облеченъ;
Сгубить счастливца злоба жаждетъ,
А кто несчастливъ — тотъ забвенъ;

Здѣсь смертный не бываетъ чуждъ
Ни слёзъ, ни слабостей, ни нуждъ.

Здѣсь лишь ищу, но *тамъ* найду я;
Я весь преображуся тамъ:
Тамъ узрю Бога, торжествуя,
Предамся пѣснямъ и хваламъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца,
Прославлю тамъ любви Отца!

Моей Его святую волю
Моимъ блаженствомъ буду звать,
И въ неотъемлимую долю,
Онъ дастъ мнѣ свѣтъ и благодать;
Съ ступени взыду на ступень,
Незаходимый встрѣчу день ...

И мнѣ тотъ день откроетъ ясно
Все тò, что тѐмно на землѣ;
Премудро, свѣтло и прекрасно
Тамъ явится, что здѣсь во мглѣ;
Съ благоговеньемъ преклонясь,
Судебъ постигну цѣль и связь.

Къ престолу Господа проникну —
Туда, гдѣ Онъ не покровенъ.
«Святъ, святъ Господь мой! святъ!» воскликну,
Его сіяньемъ озаренъ ...
И рать духовъ тогда со мной
Все небо огласитъ хвалой.

Средь ангеловъ — имъ равенъ буду
И буду чистъ, подобно имъ,

И грѣхъ, и скорбь земли забуду,
И пріобщусь, благой, къ благимъ:
Возрадуюсь ихъ части я,
И будетъ часть ихъ — часть моя.

О, радость паче словъ и мѣры!
Тамъ и того увижу вновь,
Кто подалъ мнѣ свѣтильникъ вѣры,
Платилъ любовью за любовь —
И, прежде, чѣмъ съ земли исчезъ,
Мнѣ указалъ страну небесъ.

О, если бъ, встрѣтившись со мною,
И мнѣ промолвилъ кто въ раю:
«Мой братъ, не я-ль спасенъ тобою?
«Ты жизнь, ты душу спасъ мою!»
Невыразимо тотъ блаженъ,
Кѣмъ погибавшій братъ спасенъ!

За мной мгновенной жизни горе:
Какъ дымъ, исчезнетъ въ оный день,
Какъ капля въ безпредѣльномъ морѣ,
Какъ отъ лучей ночная тѣнь,
Какъ сотворенный сномъ призракъ,
Когда предъ солнцемъ таетъ мракъ.

VIII.

ПОМИНКИ.

(17.)

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ міръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!
Для нихъ ужь нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ . . .
Мы только — мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.

Ахъ! съ нами не они ли,
Среди надеждъ и сновъ,
И радости дѣлили,
И тягости трудовъ?
Ихъ взоръ для насъ унылыхъ
Податель былъ утѣхъ:
Мы все въ объятьяхъ милыхъ
Вкушали — плачъ и смѣхъ.

И вотъ — надъ ихъ гробами
Стоимъ мы здѣсь одни:
Ужь нѣтъ любезныхъ съ нами!
Увы! ушли они!
Что вѣкъ нашъ? — сонъ! мечтанье!
Не все ли здѣсь на часъ?
Что жь вѣчное желанье
Одно не гаснетъ въ насъ?

Найдемъ ли похищенныхъ?
Ихъ погребли мы прахъ;
Поищемъ незабвенныхъ
Въ надоблачныхъ странахъ.
Не тамъ ли совершенство?
Не тамъ ли миръ и свѣтъ?
И царствуетъ блаженство,
И слёзъ и стоновъ нѣтъ?

О, Милосердный, Вѣчный!
Да совершимъ съ Тобой
Мгновенный, скоротечный,
Но скользкій путь земной!
Да узримъ надъ звѣздами
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
Связалъ любовью съ нами
Въ юдоли темноты!

Не смыла ли ихъ пятна
Спасителева кровь?
Вовѣки необъятна,
Отецъ, Твоя любовь!
Идемъ съ Твоею силой:
Тяжелъ житейскій путь;
Но съ ними за могилой
Ты дашь намъ отдохнуть.

Еще мы не въ пустыни . . .
Умолкъ не всѣхъ же гласъ . . .
Не всѣ друзья по нынѣ
Опередили насъ . . .
Не огорчимъ ни словомъ,
Ни взглядомъ остальныхъ:

Ты, Боже, будь покровомъ
И мертвыхъ и живыхъ!

И мы закроемъ очи
Въ опредѣленный срокъ ...
Но средь могильной ночи
Зардѣется востокъ:
Насъ встрѣтитъ взоръ любезный,
Увидимъ ихъ въ лучахъ,
И ужь разлуки слезной
Не будетъ въ небесахъ.

Тоскуемъ мы и страждемъ ...
Безсмертія водой,
Водой, которой жаждемъ,
Создатель, насъ напой!
Владыка, вождь, хранитель!
Не дай споткнуться намъ!
Да внидемъ въ ту обитель,
Да будемъ чисты тамъ!

IX.

ПАМЯТИ ГРИБОѢДОВА.

(18.)

Когда еще ты на землѣ
Дышалъ, о другъ мой незабвенный!
А я, съ тобою разлученный,
Уже страдалъ въ тюремной мглѣ,
Зачѣмъ, видѣньемъ принесенный,

Въ отрадномъ, благодатномъ снѣ
Тогда ты не являлся мнѣ?
Ужели мало, братъ мой милый,
Я, взятый заживо могилой,
Тоскуя, думалъ о тебѣ?
Когда въ боязненной мольбѣ
Слова въ устахъ моихъ коснѣли,
Любезный братъ твой неужели
Безъ слезъ, безъ скорби звалъ къ себѣ?
Вотще я простиралъ объятья,
Я звалъ тебя, но звалъ вотще:
Безсильны были всѣ заклятья —
Ты былъ не зримъ моей мечтѣ.
Увы! всего лишь разъ единый
Передо мной въ полночный мракъ
Возсталъ возлюбленный призракъ —
Не въ злой ли часъ твоей кончины?
Но не было глубокихъ ранъ,
Свидѣтелей борьбы кровавой,
На тѣлѣ избраннаго славой
Пѣвца, воспѣвшаго Иранъ *) —
И — ахъ! — сраженнаго Ираномъ.
Одѣянъ не былъ ты туманомъ,
Не искаженъ и не унылъ,
Не блѣденъ . . . нѣтъ, ты ясенъ былъ;

---

*) Относится къ поэмѣ Грибоѣдова, схожей по формѣ своей съ «Чайльдъ-Гарольдомъ». Въ ней превосходно изображена Персія. Этой поэмы, ни гдѣ не напечатанной, не надо смѣшивать съ драмой, о которой упоминаетъ Булгаринъ (т. е. «Горе отъ Ума»).

Примѣч. автора.

Ты былъ въ кругу моихъ родимыхъ,
Тобой незнанныхъ, но любимыхъ,
Тебя любившихъ, не видавъ.
Въ видѣньи оной вѣщей ночи
Твои свѣтлѣе были очи,
Чѣмъ среди смѣха и забавъ
Въ чертогахъ суеты и шума,
Гдѣ свой покровъ не рѣдко дума
Бросала на чело твое,
Гдѣ ты прикрыть желалъ ее
Улыбкой, шуткой, разговоромъ ...
Но дружбѣ взоръ орлиный данъ:
Великодушный твой обманъ
Орлинымъ открывался взоромъ ...
Такъ, мнѣ однажды только сонъ
Тебя представилъ благотворный.
Въ тѣхъ поръ, суровый и упорный,
Отказывалъ мнѣ долго онъ
Привлечь въ обитель испытанья
Твой духъ изъ области сіянья.
А между тѣмъ мои страданья
Копились и росли ... но вдругъ
Ты что-то часто, братъ и другъ,
Златую предваря денницу,
Спускаться сталъ въ мою темницу.
Или зовешь меня туда,
Гдѣ ты, паря подъ небесами,
Ликуешь съ чистыми духами,
Гдѣ вѣчны свѣтъ и красота,
Въ страну покоя надъ звѣздами?
Или же (много я любилъ!)

Тѣ, коихъ взоръ и въ самомъ мракѣ,
Какъ лучъ живительныхъ свѣтилъ,
Какъ даръ былого, я хранилъ,
Всѣ, всѣ въ твоемъ сліялись зракѣ?

X.

БРАТУ.

(Въ день его имянинъ.)

(19.)

Короче день — и рѣже съ океана
Снимается сѣдая ткань тумана;
Желтѣетъ мой любимецъ, гордый клёнъ,
Который прихотливою судьбою
Былъ съ рощей разлученъ родною
И здѣсь межь камней возрощёнъ . . .
Такъ! осень царствуетъ — и скоро, скоро птицы
Подымутся съ полночныхъ, грозныхъ скалъ:
На полдень путь имъ начерталъ
Всемощный перстъ невидимой десницы.
Увидитъ надъ собой ихъ вереницы
Съ высокой палубы пловецъ —
И скажетъ: «краснымъ днямъ на сѣверѣ конецъ!»
Мертвѣетъ блѣдная природа;
На сумрачный полетъ дряхлѣющаго года
Глядитъ, задумавшись, пѣвецъ.
Но и безъ лѣтняго, блестящаго свѣтила
Мнѣ святъ и дорогъ праздникъ Михаила.

Давно не для меня и араматъ цвѣтовъ,
И роскошь нивъ, и видъ присолнечныхъ холмовъ,
Не для меня дубравы темной шопотъ,
И пѣсни соловья,
И водопада ревъ, и плескъ и шумъ и ропотъ
Прозрачнаго ручья.
Давно покинулъ я всѣ красоты вселенной:
Въ стѣнахъ угрюмыхъ заключенный,
Давно отъ нихъ оторванъ я.
Остались мнѣ однѣ воспоминанья ...
Но, другъ мой, въ день твоихъ ли именинъ
Я буду въ одиночествѣ — одинъ?
Сберется мой народъ — крылатыя мечтанья,
И съ ними сяду я за пиръ,
Забуду стражей и затворы,
Забуду цѣлый міръ —
И вдругъ перенесусь за степи, рѣки, горы,
Въ твой тихій домъ, къ тебѣ ...
Тамъ, сердца счастливымъ обманомъ упоенный,
Воскликну я: «хвала судьбѣ!
«Мнѣ возвращенъ мой братъ, съ мною разлученный».
И что жь? пространство ли одно
По волѣ сокращать мечтаніямъ дано?
Ихъ вѣтренное племя
Не покорило ли и самый рокъ и время?
Не призракъ ли былыхъ, прекрасныхъ дней
Онѣ подъемлютъ изъ могилы?
Отъ вѣянья ихъ чудотворной силы
Вдругъ предо-мной всплываетъ сонмъ тѣней:
Я вижу утра моего друзей,
Всѣхъ вижу ихъ, какъ ихъ видалъ, бывало!
Такъ — вотъ и тотъ, кого давно уже не стало,

И тотъ, который живъ, но дружбѣ измѣнилъ;
Тѣ съ высоты честѐй, тѣ изъ степей изгнанья,
Изъ шумныхъ городовъ, изъ тишины могилъ —
Всѣ, всѣ стеклися для свиданья!
Сдается — только сонъ всѣ наши испытанья:
Ихъ образъ тотъ же, тотъ же разговоръ,
И слышу тотъ же смѣхъ и тотъ же жаркій споръ . . .
Но мигъ — и нѣтъ ихъ . . . Я на брегѣ Авиноры,
Надъ зеркаломъ рѣки моей родной . . .
Здѣсь за струей когда-то наши взоры
Бѣжали, жадные, въ туманъ дали́ сѣдой;
Мы здѣсь, мой братъ, рука съ рукой
Бродили, счастливые дѣти,
Глядѣли, какъ рыбакъ закидываетъ сѣти,
Или́ какъ чёлнъ скользитъ надъ свѣтлой глубиной.
Напомнить ли тебѣ робинсонады,
Романы пылкіе младенческой мечты,
Какіе слуху намъ внимающей наяды
Разсказывали здѣсь когда-то я и ты?
Пойдти ли въ садикъ посѣтить цвѣты,
Взглянуть на дерева̀, посаженныя нами?
Увы! давно цвѣты тѣ отцвѣли,
Давно смѣшались съ перстію земли
И узнаны не будутъ деревами . . .
Все минуло; быть-можетъ, не найдти
Намъ даже мѣста на кладби́щѣ,
Гдѣ нашъ старикъ, сошедъ съ житейскаго пути,
Обрёлъ послѣднее жилище.
О, да покоится на лонѣ тишины!
Онъ во̀-время сомкнулъ страдальческія вѣжды:
Еще тогда его сыны
Вливали въ грудь отца и радость, и надежды.

Но, полно! Чувствую, какъ голосъ мой дрожитъ,
Какъ слёзы брызнуть изъ очей готовы.
Мой утѣшитель-геній прочь летитъ:
Уже не свѣтлы — мрачны и суровы
Тѣ гостьи, коихъ въ уголку своемъ
На праздникъ друга сòзвалъ твой пустынникъ . . .
Богъ съ ними! Пользы нѣтъ тужить вдвоемъ:
Умолкну, милый именинникъ!
Очнулся я — и нѣтъ уже картинъ,
Какими тѣшило меня воображенье;
Подъемлю взоры — я по прежднему одинъ;
Склоняю слухъ — кругомъ уединенье . . .

Свеаборгская крѣпость.
29 сентября 1833 года.

XI.

ЭЛЕГІЯ.

(21.)

Склонился нà руку тяжелой головою
Въ темницѣ сумрачной задумчивый поэтъ . . .
Что такъ очей его погасъ могущій свѣтъ?
Что стало предъ его померкшею душою?
О чемъ мечтаетъ? или духъ его
Лишился мужества всего
И палъ предъ непріязненной судьбою?
«Не нужно состраданья твоего:
Къ чему твои вопросы, хладный зритель
Тоски, которой непонять тебѣ?

Твоихъ ли утѣшеній, утѣшитель,
Онъ требуетъ? оставь ихъ при себѣ!
Нѣтъ, не ему тужить о суетной утратѣ
Того, что счастіемъ зовете вы:
Равно доволенъ онъ и во дворцѣ и въ хатѣ;
Не посѣдѣли бы власы его главы,
Хотя бы самъ, въ поту лица, руками
Пріобрѣталъ свой хлѣбъ за тяжкою сохой;
Онъ былъ бы твердъ подъ бурей и грозами
И равнодушно снесъ бы мразъ и зной.
Онъ не терзается и по златой свободѣ:
Пока огонь небесъ въ поэтѣ не потухъ,
Поэта и въ цѣпяхъ еще свободенъ духъ.
Когда жь и съ грустью мыслитъ о природѣ,
О божьихъ чудесахъ на небѣ, на землѣ,
О долахъ, о горахъ, о необъятномъ сводѣ,
О рощахъ, тонущихъ въ вечерней, бѣлой мглѣ,
О солнечномъ, блистательномъ восходѣ,
О дивномъ сонмѣ звѣздъ златыхъ,
Безчисленныхъ лампадъ всемірнаго чертога,
Несмѣтныхъ исповѣдниковъ нѣмыхъ
Премудрости, величья, славы Бога —
Не безъ отрады все же онъ:
Въ его груди вселенная иная;
Въ ней тотъ же благости таинственный законъ,
Въ ней та же заповѣдь святая,
По коей выше тьмы и золъ и облаковъ,
Безъ устали течетъ великій полкъ міровъ.
Но вѣдать хочешь ты, что сумракъ знаменуетъ,
Которымъ, будто тучей, облегло
Пѣвца унылое чело —
Увы! онъ о судьбѣ тоскуетъ,

Какой ни Меонидъ, ни Камоэнсъ, ни Тассъ,
И въ пѣсняхъ и въ бѣдахъ его предтечи,
Не испытали; пламень въ немъ погасъ,
Тотъ, съ коимъ не были ему ужасны встрѣчи
Ни съ скорбнымъ недугомъ, ни съ хладной нищетой,
Ни съ вѣтренной измѣной
Любви давно забытой и презрѣнной,
Ни даже съ душною тюрьмой.»

XII.

КЛЁНЪ.

(22.)

Скажи, кудрявый сынъ лѣсовъ священныхъ,
Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соковъ жизненныхъ лишенныхъ,
Какой судьбою выросъ ты?

Ты развился передъ моей тюрьмою.
Ты многое напоминаешь мнѣ ...
Здѣсь не съ кѣмъ мнѣ ... поговорю съ тобою
О милой сердцу сторонѣ,

О времени, когда, подобно птицѣ,
Жилицѣ вольной средь твоихъ вѣтвей,
Я пѣснь свободную пѣвалъ денницѣ
И блеску западныхъ лучей.

Тогда съ бреговъ смиренной Авиноры,
Въ лѣсахъ моей Эстоніи родной,

Впервые жадно въ даль простеръ я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящіе до неба братья
Видали, какъ задернутую тьмой
Страну я звалъ, манилъ въ свои объятья —
И покачали головой.

А нынѣ ты свидѣтель исполненья
Того, что прорицали братья мнѣ,
О, ты, послѣдній въ мракѣ заточенья
Мой другъ въ далёкой сторонѣ!

XIII.

ТЕРПѢНІЕ.

(23.)

Все кругомъ темно и душно,
Твердь заволокло грозой . . .
Сердце, Богу будь послушно!
Онъ твой Богъ, хранитель твой!
Стрѣлы грома Онъ притупитъ,
Солнце возведетъ на твердь;
Стихнетъ буря, миръ наступитъ,
Изнемогутъ страхъ и смерть.

Ты предалъ ли пепелъ милый
Друга, свѣта дней твоихъ,
Хладной тьмѣ нѣмой могилы:
Будь безропотенъ и тихъ!

Сѣятель посѣялъ сѣмя,
Сѣмя взыйдетъ для жнеца:
Вамъ разлука лишь на время;
Въ домѣ свидитесь Отца!

Возросли ли трудъ и нужды,
Истомилъ ли зной тебя:
Богу скорбные не чужды;
Богу сирыхъ ввѣрь себя!
Онъ и самыя страданья
Посылаетъ въ благо намъ;
Знаетъ мѣру испытанья,
Внемлетъ вздохамъ и слезамъ.

На твою благую славу
Клеветали, черный змѣй,
Льетъ смертельную отраву —
Брось унынье, не робѣй,
Спасу слѣдуй безъ боязни;
Нещадила жь и Христа
Злоба буйной непріязни!
Посрамится клевета!

«Пусть бы врагъ . . . но мой гонитель
«Другомъ былъ души моей;
«Хлѣба, думъ моихъ дѣлитель,
«Сынъ мой, братъ мой — мнѣ злодѣй!»
Тяжко — такъ! но все жь слѣпому,
Все жь безумному прости;
Съ вѣрой воззови къ Благому,
Шествуй по его пути.

Кто, недугомъ пораженный,
Не поднимется съ одра,
Да не ропщетъ, дерзновенный!
Будь душа его бодра:
Благъ и святъ Непостижимый,
Святъ и благъ его законъ;
Въ чадахъ Бога сынъ любимый
Тотъ, кого накажетъ онъ.

Узникъ горестный — терпѣнье!
Мракъ и ужасъ предъ тобой;
Но не дремлетъ Провидѣнье,
Нѣтъ, не спитъ создатель твой;
Не забылъ тебя Спаситель:
Здѣсь ли тлѣнъ твой разрѣшитъ,
Въ ту ли вознесетъ обитель,
Здѣсь ли, тамъ ли. Онъ твой щитъ —

Здѣсь за теплымъ солнцемъ лѣта
Мракъ убійственной зимы;
Здѣсь огонь златаго свѣта
Гаснетъ средь незапной тьмы;
Здѣсь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой:
Дымъ и вѣтеръ міра счастье,
Все на время подъ луной.

Не теряйте упованья:
Здѣсь начало — тамъ конецъ;
Тамъ терпѣнью возданья,
За побѣду тамъ вѣнецъ.

Такъ! за гробомъ отдыхъ вѣчный:
Други, чѣмъ тяжелѣ намъ
Путь земной и скоротечный,
Тѣмъ вѣрнѣе къ небесамъ!

Потерпите Бога, братья!
Васъ, омытыхъ отъ грѣховъ,
Призоветъ въ свои объятья
Онъ, Отецъ своихъ сыновъ;
Потерпите день единый,
Потерпите малый часъ:
Свѣтъ безъ ночи, безъ кончины,
Вѣчность ожидаетъ васъ!

XIX.

РОСИНКИ.

(25.)

Сонъ побѣжденный
Съ выси янтарной
Канунъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небесъ,
Всходитъ — и пало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ.

Съ синяго свода
Токи ли злата
Льются на міръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за пиръ.
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эѳиръ.

Сладостный пламень
Горьней пучины
Всюду горитъ:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живитъ;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
Въ ней его щитъ!

Въ лонѣ росинки
Слабой, дрожащей,
(Дунешь — и нѣтъ!)
Чуть тяготящей
Чашу былинки —
Слава и свѣтъ,
Тронъ исполина,
Зракъ Властелина,
Дней и планетъ.

Съ ясной лазури
Солнце вѣщало:

«Хляби! валы!
«Мнѣ ли зерцало
«Плѣнники бури,
«Узники мглы?
«Рвите заклѣпы,
«Дики, свирѣпы,
«Рушьте скалы!

«Васъ ли, мятежныхъ,
«Каплѣ смиренной
«Я предпочту?
«Съ странъ безрубежныхъ
«Къ черни надменной,
«Къ вамъ въ темноту,
«Въ бездну, гдѣ грохотъ,
«Скрежетъ и хохотъ
«Я ли сойду?»

Благостный, Вѣчный,
Дивный не въ шумлѣ,
Богъ не въ грозѣ:
Нѣтъ — въ тихой думѣ,
Въ глуби сердечной,
Въ тейлой злезѣ,
Въ скорби незлобной,
Въ дѣвѣ, подобной
Чистой росѣ!

XV.

МОЕЙ МАТЕРИ.

(29.)

Предѣлъ безмолвный, темный уголокъ,
Нѣмая пристань, гдѣ наставникъ — рокъ,
Спасительный, но въ строгость облеченный,
Назначилъ мнѣ пріютъ уединенный,
Святыней будь сегодня для меня!
Я нынѣ полонъ чистаго огня:
Объемлетъ горній пламень грудь поэта;
Нѣтъ дыму въ немъ, ни духоты страстей.
Источникъ силы, теплоты и свѣта,
Онъ мнѣ перуномъ не слѣпитъ очей,
Не сжетъ мнѣ сердца пыломъ иступленья.
Изъ жилы въ жилу токи вдохновенья
Переливаются безъ волнъ и бурь . . .
Такъ нѣкогда по вертограду рая
Текли, луга и рощи напояя,
Являя неба чистую лазурь,
Рѣка, родительница рѣкъ святая.
Къ кому жь простру я въ благодатный часъ
Парящій на крылахъ восторга гласъ?
Не вѣтреннымъ друзьямъ, питомцамъ міра,
Брящаетъ подъ моей рукою лира:
Забытый, не ищу вниманья ихъ.
Но ты да слышишь звуки струнъ моихъ,
О, лучшій другъ мой! о, моя родная!
Ты, коей имя на моихъ устахъ,
Ты, коей память, вѣчно мнѣ драгая,

Въ душѣ моей, когда покинувъ прахъ,
Я узнаю, я зрю на небесахъ
Не Бога вороженнаго громами,
Властителя надъ блѣдными рабами,
Но кроткаго и падшихъ чадъ Отца,
Но близкаго, того, кто — благъ безъ мѣры —
Врачуетъ сокрушенныя сердца
Елеемъ дивнымъ животворной вѣры.
Такъ! онъ пошлетъ отраду и тебѣ!
Утѣшься: видитъ Онъ, какъ о судьбѣ
Своихъ сыновъ рыдаешь и тоскуешь
И ихъ сынами скорби именуешь . . .
Родимая! мы подъ его рукой:
Не ясною ль и твердою душой,
Не бодрою ль и мощной даже въ горѣ,
Имъ братъ мой надѣленъ? Пусть мракъ кругомъ,
Пусть катится въ ночи ревущій громъ;
Но свѣтлый день въ его спокойномъ взорѣ:
«Живъ Богъ мой!» онъ вѣщаетъ и съ челомъ
Безтрепетнымъ, безъ страха, безъ смятенья,
Смиренно всѣ встрѣчаетъ искушенья.
Скажу ли? И меня благословилъ
Безцѣнными дарами Датель силъ:
Пусть упиваются любимцы счастья
Отравою земнаго сладострастья;
Пусть одѣваются въ ничтожный блескъ,
Пусть слышутъ купленный за брашню плескъ;
Они умрутъ и сгложетъ червь ихъ кости,
Именъ ихъ пепомянутъ даже гости,
Участники распутныхъ ихъ пировъ . . .
Я узникъ; но мой жребій не таковъ.
Меня взлелѣялъ ангелъ пѣснопѣнья,

И свѣтлыя чудесныя видѣнья,
За роемъ рой, слетаютъ въ мой пріютъ;
Я вижу ихъ: уста мои поютъ
И райскимъ исполняюсь наслажденьемъ.
И (да вѣщаю нынѣ съ дерзновеньемъ!)
Не всѣ, такъ уповаю я, умрутъ
Крылатыя души моей созданья:
Съ лица земнаго свѣется мой прахъ,
Но тотъ, на чьемъ челѣ печать избранья,
Тотъ и въ далекихъ будетъ жить вѣкахъ.
Не весь истлѣю я: съ очей потомства
Спадетъ покровъ мгновенной слѣпоты
И стихнетъ гулъ вражды и вѣроломства;
Умолкнетъ злоба черной клеветы,
Забудутъ заблужденья человѣка;
Но воспомянутъ чистый гласъ пѣвца
И отзовутся на него сердца
И дѣвъ и юношей инаго вѣка.
Наступитъ оный вожделенный день —
И радостью встрепещетъ отъ привѣтовъ
Святыхъ, судьбой испытанныхъ поэтовъ
Въ раю моя утѣшенная тѣнь.
Тогда я робко именемъ клевретовъ,
Великіе, назвать посмѣю васъ:
Тебя, о Дантъ, божественный изгнанникъ! —
О узникъ, труженикъ безсмертный, Тассъ,
Тебя! — и съ нимъ тебя, бездомный странникъ,
Страдалецъ, Лузитаніи Гомеръ!
Вы, образцы мои, вы мнѣ примѣръ,
Мнѣ бѣдъ путемъ ко славѣ предлетѣли,
Я бѣдъ путемъ стрѣмлюся къ той же цѣли.
Не плача же достоинъ жребій мой:

Я на землѣ, въ тюрьмѣ я только тѣломъ,
Но духъ въ полетѣ радостномъ и смѣломъ
Горѣ́ несется за предѣлъ земной
И въ вашъ соборъ вступаетъ свѣтозарный.
Нѣтъ! мнѣ нестрашенъ смѣхъ толпы коварной:
Я въ скорби, въ заточеньи, въ нищетѣ;
Но лучшій ли удѣлъ вкушали тѣ,
Которыхъ имена въ столѣтьяхъ громки,
Избранниковъ побѣдоносный хоръ,
Пѣвцы, къ которымъ поздніе потомки
Подъемлютъ блескомъ ослѣпленный взоръ?

XVI.

БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ.

(Изъ Геллерта.)

(32.)

Хвала и слава будь тебѣ,
Владыко, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбѣ,
Ты былъ всегда со мной.

Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я —
Не тщетенъ былъ мой зовъ:
Благій! Премудрый! длань Твоя
Мой щитъ и мой покровъ.

На одръ скорбей я палъ, стеня:
«Спаси!» я такъ молилъ . . .

Ты спасъ, Ты исцѣлилъ меня:
Хвала, источникъ силъ!

Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ,
Восплачусь предъ Тобой:
Ты дашь терпѣнье — врагъ прощенъ
И въ сердцѣ вновь покой.

Блуждаю ли въ своемъ пути,
Призрàками прельщенъ,
Промолвлю: «путь мой освѣти!»
Гляжу — и освѣщенъ.

Скорблю, ни гдѣ отрады нѣтъ:
«Ахъ! долго ль?» вопію,
И утѣшенье Твой отвѣтъ
На жалобу мою.

Ты Богъ благій, Ты щедрый Богъ,
Отецъ того, кто сиръ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.

Хвала! и горе Твой посолъ:
Сближаюсь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголъ;
Хвала, наставникъ мой!

Земля и твердь и поле волнъ
Твоей любови храмъ;
Твоихъ даровъ не міръ ли полнъ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и сына своего
Не пожалѣлъ для насъ.

О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу силъ,
Народъ Господень, будь!

Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речетъ — и стона нѣтъ!
Насъ по искусѣ краткомъ онъ
Восхититъ въ вѣчный свѣтъ.

Мой духъ, на милость уповай,
Которой нѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ незабывай
И чти законъ Отца.

XVII.

ПСАЛОМЪ 102.

(33.)

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца Любви!
Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
Да хвалитъ Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышитъ!

Огонь священный, влейся въ грудь!
Душа моя, непозабудь
Несмѣтныхъ божіихъ даяній!
Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ
Господь, податель всѣхъ утѣхъ,
Цѣлитель всѣхъ страданій.

Онъ Богъ твой: не погаснешь ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя вѣнчая,
Онъ всѣ твои желанья зритъ;
Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
Его рука святая.

И какъ возносится орелъ,
Который въ небо путь пашелъ,
И пьетъ изъ солнца жизнь и радость —
И ты такъ въ небо воспаришь
И силой Бога обновишь
Неблекнущую младость.

Когда и кто постичь возмогъ,
Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
Бездонный океанъ щедротъ
Безсильныхъ, горестныхъ сиротъ,
Гонимыхъ Онъ хранитель.

Неизреченно благъ мой Богъ!
Господней благости залогъ,
Законъ, ниспосланный любовью,

Законъ святой, источникъ силъ,
Который Божій сынъ скрѣпилъ
Своей чистѣйшей кровью.

Благій снизходитъ долго намъ:
Намъ воздаетъ не по дѣламъ,
Но по винѣ насъ наказуетъ;
Не держитъ гнѣва до конца:
Да взыщешь Божія лица —
И Богъ ужь не враждуетъ!

Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
Эѳиру, коимъ міръ одѣтъ:
Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
Которымъ всюду, всякій часъ
Всевышній окружаетъ насъ . . .
Къ нему ли быть безъ вѣры?

Надежду на него взложи;
Отстань отъ суеты и лжи,
Отъ беззаконья и порока . . .
И скорби, что тебя тягчатъ —
Имъ удалятся, какъ закатъ
Отдвинутъ отъ востока.

Какъ любящій дѣтей отецъ,
Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
Онъ знаетъ насъ, онъ помнитъ — кто мы:
Не пепелъ ли, не прахъ ли мы?
Не всѣ ли въ ночь могильной тьмы
Съ рожденія влекомы?

Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
Какъ цвѣтъ — такъ вянетъ человѣкъ:
Сегодня — живъ, заутра — въ гробѣ;
Исчезли всѣ его труды —
Онъ былъ ли? нѣтъ уже нужды
Ни дружеству, ни злобѣ.

Могилы сынъ, не унывай!
Твой путь земной не путь ли въ рай?
Живетъ его любовь святая
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца;
Къ творенію любовь творца
Живетъ, не умирая.

Господни милость и покровъ
Пребудутъ на сынахъ сыновъ
Тѣхъ, коимъ свята власть Господня:
Не небеса ль его престолъ?
И не Ему ль подвластны долъ,
И твердь, и преисподня?

Создатель онъ и царь всего ...
Хвалите Бога своего,
Того, кому вы предстоите,
Могущій сонмъ Его пословъ!
Полки Его святыхъ рабовъ,
Царя благословите!

Вы гласу внемлете Его:
Да славословите Того,
Чьи совершаете веленья!

Вы, тьмы и тьмы духовъ и силъ,
Вы, рати солнцевъ и свѣтилъ,
Вы — рукъ Его творенья!

Міры и звѣзды пѣснь ему!
Псалмомъ Владыкѣ своему
Да будетъ вся его держава!
Благослови, благослови
Душа моя Отца любви!
Ему во вѣки слава!

XVIII.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

(34.)

Отецъ хранитель, Боже мой!
Подъ сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой —
И вотъ открылъ я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ отрадной ночи —
И день и ночь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной?
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной:

Души боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовію нелицемѣрной.

О, милосердый мой отецъ!
Я отъ тебя ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.

Я падалъ, падаю сто кратъ ...
Но, въ милостяхъ неистощимый,
Ты зришь: я скорбію объятъ,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилье;
Но гдѣ безсильна жизнь моя,
Тамъ мощно силъ твоихъ обилье.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай иное;
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонишься къ мольбѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ твоихъ дѣтей,
Небесъ наслѣдникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!

Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селенью!

XIX.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

(35.)

Погаснулъ день: склонился міръ къ покою;
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну,
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.

Онъ предписалъ успокоенью время
И срокъ дневнымъ трудамъ:
Сложу жь и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыйдетъ гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, воззвалъ я — и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!

И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ Твои щедроты кто исчислитъ?
Кто взвѣсить ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняешь насъ.

Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И шлешь отраду намъ.

Внемли жь моимъ вздыханіямъ сердечнымъ,
Мольбамъ моей души:
Всѣхъ бо́льшее къ даяньямъ безконечнымъ
Творецъ мой приложи!

Омой купелію христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,
И на пути къ Тебѣ, отецъ любови,
Будь вождь мой и покровъ!

А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали;
Что жь мнѣ крушить себя?

Потокъ отрадный вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей —
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня — ты будь защитой
Всѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей прикрытый,
Почіетъ въ тишинѣ!

Когда же блеску солнца ранній пѣтелъ
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостенъ и свѣтелъ,
И бодръ, и въ мощь одѣтъ!

Ты будешь первой мыслію моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь — и съ Тобой, мой Богъ, успѣю
Во всѣхъ своихъ трудахъ.

XX.

ВЪ КОНЦѢ НЕДѢЛИ.

(36.)

Летятъ! возврата нѣтъ часамъ,
Назначеннымъ отъ Бога намъ:
За ночью день, за мракомъ свѣтъ —
И вотъ уже недѣли нѣтъ.

Хранитель благостный! хвала
За всѣ любви Твоей дѣла,

Хвала за тьму щедротъ Твоихъ!
Когда и гдѣ не видимъ ихъ?

Свободны ли мы отъ вины,
Кѣмъ были мы укрѣплены?
Тобою побѣдили грѣхъ,
Ты далъ намъ силу и успѣхъ!

И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
Увы! грѣшимъ и не узнавъ! ...
О милосердье! о любовь!
Хадатай нашъ — Христова кровь!

Несемся по потоку дней,
Все ближе къ вѣчности Твоей;
Тобой сочтенъ нашъ каждый часъ:
Послѣдній Ты сокрылъ отъ насъ.

Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
Да нестрашитъ насъ зовъ гробовъ!
И на судѣ насъ оправдай,
И смертью насъ веди въ свой рай!

Окончивъ скользкій путь земной,
Твоей отеческой рукой
Да будемъ, Боже, взяты мы
Въ Твой горній домъ изъ дола тьмы!

Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
О солнце правды! намъ Твой лучъ
Да свѣтитъ средь житейскихъ тучь!

XXI.

ПОЛНОЧЬ СЪ 31 ДЕКАБРЯ НА 1 ЯНВАРЯ.

(38.)

Не часовъ ли торный вой?
Въ бездну ночи роковой,
Въ гробъ свой старецъ годъ упалъ ...
Чу! гудитъ надъ нимъ металлъ!

Въ мракѣ колокола звонъ
Будто надъ могилой стонъ ...
Сколько и утѣхъ и слёзъ
Этотъ годъ съ собой унёсъ.

На крылахъ въ нѣмую даль
Льется радость и печаль;
Дѣти мы сѣдой земли
Всѣ потонемъ въ той дали.

Былъ я молодъ и сказалъ:
«Мой житейскій срокъ не малъ!»
Я мечталъ въ своей веснѣ:
«Далеко до цѣли мнѣ.»

Такъ казался безъ конца
Краткій вѣкъ очамъ слѣпца!
Вотъ я дряхлости достигъ:
Что же вѣкъ мой? только мигъ!

Вверьхъ еще въ жилище бурь
Въ необъятную лазурь,

Вверьхъ паритъ столпомъ сѣдымъ,
А ужь таетъ легкій дымъ.

Съ крутизны кипитъ жемчугъ,
Блескъ и радуги вокругъ;
Но померкъ въ долинѣ свѣтъ,
Шумъ умолкъ — и пѣны нѣтъ.

Обольщаетъ душу сонъ;
Всходитъ солнце: гдѣ же онъ?
Унесенъ волнами тьмы . . .
Сонъ и дымъ и пѣна — мы!

Восхищаетъ роза насъ:
Но и роза, вѣдь, на часъ;
Съ ней сравню ли бытё?
Вѣтеръ оборветъ ее!

Многоводна, широка,
Пышно катится рѣка . . .
Смертный, гордый суетой!
Не рѣка ли образъ твой?

Въ ней волна тѣснитъ волну —
Всѣ несутся въ глубину,
Въ море безъ бреговъ спѣшатъ . . .
Кто же видѣлъ ихъ возвратъ?

Какъ теченье быстрыхъ водъ,
Такъ бѣжитъ за годомъ годъ;
Смотришь — и девятый валъ —
Годъ послѣдній — набѣжалъ.

Да хранимъ же каждый часъ!
Ночь, какъ тать, настигнетъ насъ,
Ночь, нерадостный предѣлъ
Нашихъ замысловъ и дѣлъ.

XXII.

МОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ.

(41.)

Замолкъ и меркнетъ вѣщій духъ,
Не брызжутъ искры вдохновенья,
Исчезли дивныя видѣнья:
Въ груди пѣвца восторгъ потухъ.
Такъ постепенно тише рдѣетъ
Безъ жизнедатнаго огня
И остываетъ и чернѣетъ
Подъ мертвымъ пепломъ головня.
Внимаетъ томный слухъ поэта
Не гулу арфы съ рубежей
Отчизны истины и свѣта,
Нѣтъ — свисту и шипѣнью змѣй . . .
Обвили чешуей холодной
Они добычу; жало ихъ
Надъ нимъ трепещетъ: блѣденъ, тихъ,
Угрюмъ, безъ жалобы безплодной,
Слабѣетъ онъ . . . Вдругъ чьихъ-то крылъ
Эѳирный шорохъ . . . Въ бездну ночи,
Въ безбрежный океанъ свѣтилъ,
Спасенья жаждущія очи

Страдалецъ, молча, устремилъ . . .
И се! великій Исфраилъ *)
Стоитъ предъ нимъ. Въ одно мгновенье
Расторгъ могущій кровы мглы,
Раздралъ кровавыхъ змѣй узлы
И сдулъ съ души пѣвца мученье;
Потомъ вѣщалъ: «питомецъ мой,
Какъ сталъ ты жертвою чудовищъ?
Еще ли мало надъ тобой
Изсыпалъ я своихъ сокровищъ!
Молилъ, взывалъ ты: «пѣсней мнѣ!
«Въ безсмертномъ, чистомъ ихъ огнѣ
«Всѣ скорби я сожгу земныя».
И внялъ я: въ звуки я одѣлъ
Видѣнья вѣчно молодыя,
И съ роемъ ихъ къ тебѣ слетѣлъ,
И такъ повѣдалъ: «твой удѣлъ —
И думы, и мечты, и лира;
Но не желай блаженства міра;
А да прольешь съ священныхъ струнъ
Крылатый, радостный перунъ!
И онъ помчится въ хляби дали,
Разрѣжетъ тучу — и лазурь
Укажетъ смертнымъ, выше бурь,
Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ печали.
Ты часть свою благословилъ,
Ты взялъ ее . . . такъ что же нынѣ
Ты вдругъ безъ мужества и силъ?
Или́ ты измѣнилъ святынѣ?

---

*) Исфраилъ — ангелъ поэзіи по персидской миѳологіи.
Прим. автора.

Кумирамъ жаждешь ты служить,
Кадить и нѣгѣ и гордынѣ?»

ПОЭТЪ.

Святынѣ вѣренъ я и нынѣ,
И мнѣ ли идоламъ кадить?
Пусть сумрачна моя обитель,
Пусть дней моихъ уныла нить,
Но ты со мною, мой хранитель,
И вновь судьбу благословить
Готовъ я. Мощный и прекрасный
Посланникъ изъ страны чудесъ,
Ты претворяешь, сынъ небесъ,
Глухую полночь въ полдень ясный:
Съ тобою бодръ и силенъ я,
Съ тобою вѣрую въ избранье,
Но отлетишь: опять страданье
Сжимаетъ душу; грудь моя
Полна терзанья и сомнѣній,
И самъ ты, свѣтозарный геній ...
(Прости безумью слѣпоты!)
Тогда мнѣ кажешься и ты
Коварнымъ духомъ обольщеній ...
Или́ мой жребій не жестокъ?
Изъ сонма дышущихъ твореній
Меня не выхватилъ ли рокъ?
Безъ устали бѣжитъ потокъ
И дней и лѣтъ ... Какого жь вѣка?
Не умъ ли нынѣ человѣка
Творитъ изъ міра міръ иной?
Что жь? неприступною стѣной,
До самой тверди взгроможденной,

Я отдѣленъ отъ всей вселенной.
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ,
За мой порогъ не пролетая.
Здѣсь, ухо всуе поражая,
Часовъ однообразный стукъ
Надъ временемъ насмѣшка злая:
Оно стоитъ. И мнѣ ль мечтать
Изъ мертвой тьмы уединенья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать?

ИСФРАИЛЪ.

Ты отдѣленъ отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ преткновеній.
Жалѣешь о наукахъ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой
Ты несся по порогамъ преній,
Раздравшихъ нынѣ бытъ людской?
Непостояненъ ликъ науки,
Какъ ликъ измѣнчивой луны;
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ.
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятежный,
Дрожитъ и млѣетъ человѣкъ,
И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ все покорно красотѣ,
Гдѣ правда, свѣтъ и совершенство.
Да разгадаешь звуки тѣ!
Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство!

Богъ — Богъ безмолвія и думъ:
И здѣсь, гдѣ умеръ міра шумъ,
Гдѣ окруженъ ты тишиною,
Не онъ ли предъ твоей душою
Стоитъ, отецъ своихъ дѣтей?
Какъ горный токъ, падущій въ долы,
Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей
Излей могучіе глаголы
О немъ, предвѣчномъ, трисвятомъ.
Да совершишь предназначенье —
И по трудѣ въ успокоенье
Онъ призоветъ тебя вь свой домъ.

XXIII.

НАДГРОБІЕ.

(43.)

Сажéнь земли мое стяжанье,
Мнѣ отведенъ смиренный домъ:
Здѣсь спятъ надежда и желанье,
Окованъ страхъ желѣзнымъ сномъ,
Заснули горесть и веселье;
Безмолвно все въ подземной кельѣ.

И я когда-то зналъ печали,
И я былъ счастливъ и скорбѣлъ,
Любовою перси трепетали,
Уста смѣялись, взоръ свѣтлѣлъ;
Но взоръ и сердце охладѣли:
Растутъ надъ мертвымъ тѣломъ ели.

И ужь ни кто моей гробницы
Изъ милыхъ мнѣ не посѣтитъ;
Ихъ не разбудитъ блескъ денницы:
Ихъ прахъ въ сырой землѣ зарытъ;
А развѣ путникъ утружденный
Взоръ броситъ на мой гробъ забвенный.

Да развѣ сладостной весною,
Гонясь за пестрымъ мотылькомъ,
Дитя безсильною рукою
Столкнетъ мой каменный шеломъ,
Покатитъ, взглянетъ и оставитъ
И въ даль безпечный бѣгъ направитъ.

XXIV.

НОВЫЙ ГОДЪ.

(Господи! прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ! Пс. 89.)

(47.)

Какъ въ безпрерывномъ токѣ водъ
Струи несуться за струями,
Такъ убѣгаютъ дни за днями,
За годомъ улетаетъ годъ . . .

И вотъ еще одинъ протекъ!
Онъ скрылся, какъ мечта ночная,
Которую, съ одра вставая,
Позабываетъ человѣкъ;

И, какъ въ пустой, глухой дали
Безъ слѣда умираютъ звуки,
Такъ радости его и муки
Всѣ будто небыли, прошли.

Прошли онѣ; пройдутъ и тѣ,
Которыя судьба Господня
Заутра намъ или сегодня
Въ святой готовитъ темнотѣ.

Не предъ завѣсой ли стою?
Я живъ и здравъ: но что за нею?
Чрезъ день, чрезъ годъ, быть-можетъ, тлѣю . . .
И вѣтръ развѣетъ персть мою.

Не въ немъ ли мы, какъ вешній цвѣтъ?
Мы жизнь пріемлемъ на мгновенье;
Насъ видитъ солнца восхожденье;
Луна восхолитъ — и насъ нѣтъ!

Сыны грѣха и суеты!
Нашъ вѣкъ не нить ли паутины?
Безъ измѣненія Единый,
О Вѣчный! пребываешь ты.

Ты былъ и до сложенья горъ
И до созданія вселенной;
Ты былъ, когда зарей червленной
Не просіялъ еще обзоръ.

Какъ съ вѣтви листъ, такъ съ оси міръ
Сорветъ стихій мятежныхъ сила;

Поглóтитъ жадная могила,
Какъ каплю, землю, твердь, эѳиръ;

И будто платъ, ты свьёшь тогда
Шатеръ безмѣрный, многозвѣздный;
Но самъ надъ безпредѣльной бездной
Пребудешь, чѣмъ ты былъ всегда.

Предъ Богомъ тысяча вѣковъ
Не болѣ срока часоваго,
Что среди сумрака нѣмаго
Стоитъ на стражѣ у шатровъ.

И что же? каждый день и часъ
Непостижимый Вседержитель,
Защитникъ нашъ, покровь, спаситель,
Блюдетъ и зритъ и слышитъ насъ.

О дивный въ благости своей!
О милостью повсюду сущій!
Будь близокъ намъ и въ день грядущій!
Отецъ, храни своихъ дѣтей!

Все, молча, примемъ, чтобы намъ
Судьбы твои не даровали:
Твое жь посланье и печали;
Ты жизни силу далъ слезамъ.

Избавь насъ только отъ грѣховъ,
Излей намъ въ перси духъ смиренья —
И громкимъ гласомъ пѣснопѣнья
Тебя прославимъ, Богъ боговъ!

XXV.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

(48.)

Вотъ день, въ который для надежды,
Желаній, страха и скорбей,
Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
Для испытаній жизни сей;
Вотъ день, въ который я впервые
Отверзъ уста свои нѣмые . . .
Ахъ! свѣту плачь былъ мой привѣтъ
Въ тотъ день когда узрѣлъ я свѣтъ!

И много, много мнѣ печали
Наставшіе часы и дни,
Страданья много даровали —
И темны впереди они!
Но Богъ отецъ чадолюбивый:
Мнѣ день и не одинъ счастливый
Былъ посланъ имъ: благословенъ
Да будетъ онъ, Господь временъ!

Пріялъ я отъ него благое,
И злаго я ли не приму?
Мое желаніе слѣпое
Что можетъ предписать ему?
Онъ знаетъ пору: ведра, грозы,
Веселье, горе, смѣхъ и слезы,
Его святой и дивный рокъ
Даетъ вселенной въ должный срокъ.

Сгоняютъ жаръ и мглу съ лазури
И возраждаютъ вновь эѳиръ
Всевышнимъ посланныя бури;
Отъ нихъ юнѣетъ дряхлый міръ:
И какъ онѣ моря и сушу,
Такъ точно бури жизни душу
Подъемлютъ съ гибельнаго сна —
И обновляется она.

Мой путь не путь ли къ совершенству?
И такъ впередъ съ сего же дня
Безъ страха къ вѣчному блаженству!
Впередъ: мой Богъ ведетъ меня!
Ведетъ изъ края искупленья
Въ священный край успокоенья,
Туда, въ страну своихъ духовъ,
Гдѣ буду чистъ и безъ грѣховъ.

XXVI.

НА ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

(53.)

Душа моя, ликуй и пой,
Наслѣдница небесъ:
Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ:
Изъ гробовыхъ веригъ,
Изъ ночи смерти сына Богъ
И съ нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь
Сошолъ въ жилище тьмы;
Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь
Всѣхъ таинствъ высота!
За насъ свою святую кровь
Онъ проліялъ съ креста.

Чистѣйшей кровію своей
Насъ, падшихъ, искупилъ
Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей
И власти темныхъ силъ.

Христосъ воскресъ, Спаситель мой
Воистину воскресъ!
Ликуй, душа: Онъ предъ тобой
Раскрылъ врата небесъ ...

XXVII.

ТРИ ТѢНИ.

(59.)

На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ:
Я, чьей младенческой печали
Ижора и Нева задумчиво внимали,
Я (стра̀нный же удѣлъ!)
Кому рукоплескалъ когда-то градъ надменный,
Соблазнъ и образецъ, гостинница вселенной,

И кто въ Массиліи судьбу народовъ пѣлъ,
А въ слѣдъ за тѣмъ, влекомый вѣщимъ духомъ,
Родоначальникомъ неизреченныхъ думъ,
Средь грозныхъ, мертвыхъ скалъ, склонялся жаднымъ слухомъ,
На ревъ и грохотъ водъ, на вѣтра свистъ и шумъ,
На голосъ чадъ твоихъ, Кавказъ небо-громитель!
И напослѣдокъ былъ темницы душной житель:
Свинцовыхъ десять лѣтъ, какъ въ гробѣ, протекло;
Однообразный бой часовъ безъ измѣнѣнья
До срока инеемъ посыпалъ мнѣ чело
Въ глухихъ твердыняхъ заточенья.
Все обмануло, кромѣ вдохновенья:
Такъ! и судьбы неумолимый гнѣвъ
Не отнялъ у меня любви безсмертныхъ дѣвъ;
Слетали къ узнику священныя видѣнья.
Что жь? въ мірѣ положенъ всему предѣлъ:
За старымъ новое отвѣдалъ я страданье;
Ужь нынѣ не тюрьма мой жребій, а изгнанье ...
На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ,
И вотъ раздумывалъ причудливую долю
Свою и тѣхъ, съ которыми ходилъ,
Во дни моей весны, по жизненному полю
Питомцевъ близкихъ межь собой свѣтилъ.
Ихъ духъ отъ скорби опочилъ,
Но тѣни ихъ, моихъ клевретовъ,
Жертвъ сердца своего, страдальцевъ и поэтовъ,
Я вызывалъ изъ дальнихъ ихъ могилъ.
Угрюмый сынъ степей, хранительницъ Китая,
Ропталъ утесами стѣсняемый Ононъ,
Волнами тусклыми у ногъ моихъ сверкая,
И, мнилось, повторялъ *ихъ* передсмертный стонъ —

И, словно факелъ *ихъ* унылыхъ похоронъ,
Горѣла нà небѣ луна нѣмая.
Былъ безпредѣльный сонъ на долахъ, на горахъ:
Тутъ нè спалъ только я съ своей живой тоскою ...
Вдругъ — будто арфы вздохъ пронесся надъ рѣкою;
Таинственный меня обвѣялъ страхъ;
И что жь? — то былъ ли бредъ больного воображенья,
Или трепещутся и тамъ еще сердца,
И въ-самомъ-дѣлѣ другъ, податель утѣшенья,
Явиться можетъ намъ, расторгнувъ узы тлѣнья?
Почудилися мнѣ родныя три лица:
Я не слыхалъ шаговъ — скользили привидѣнья,
Воды не возмущая, по водѣ;
Надъ каждымъ призракомъ дрожало по звѣздѣ
И слѣдомъ каждаго была струя мерцанья ...
Я вспрянулъ, облитый потокомъ содраганья
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
«Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвигъ? Пушкинъ,
ты ли?»
Взглянулъ: ихъ нѣтъ — они ужь въ даль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде, все померкло и заснуло ...
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
«Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!»

XXVIII.

БЕЗСМЕРТІЕ.

(60.)

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонитъ стадо легкихъ тучь?
Одна несется быстро за другою,
На мигъ прерветъ златаго солнца лучъ —
Покроетъ поле мимолетной тѣнью,
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,
Вдругъ нѣтъ ея, все вновь свѣтло вокругъ,
И солнце вновь, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядой
Паритъ, на землю жаръ свой благодатный
Льетъ съ высоты лазури необъятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь ли таже гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ, какъ ладонь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уноситъ,
Который рябитъ воду, если броситъ
Дитя, рѣзвясь, съ размаху всей руки
Скользящій, гладкій камень въ токъ рѣки.

Взгляни: стоитъ хозяйка молодая —
И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на дождь златой пшена

Подъемлются, другъ друга упреждая,
Спѣшатъ — и въ мигъ къ владычицѣ своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая . . .
Подобно имъ, мечты слетаютъ въ умъ,
Подобно имъ, толпятся въ немъ картины,
Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
Огромныхъ крыльевъ ангела кончины.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужь недойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись — я одинъ въ пустынѣ.
И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ:
Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепетъ;
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепетъ
Едва промолвить можетъ: «тотъ же прахъ,
Такой же гость, ничтожный и мгновенный
За трапезой земнаго бытія,
Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся; вскорѣ во вселенной
Необрѣтутъ и слѣда моего;
И я изчезну въ лонѣ ничего,
Изъ коего, для бѣдъ и на истлѣнье,
Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье».
Увы! единой вѣрѣ власть дана
Въ виду глухаго, гробоваго сна
Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:
Блаженъ, чей вождь въ селенье звѣздъ она!
«Нѣтъ! своего подобья неразрушу» —
Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
Ея устами говоритъ Творецъ:

«Потухнутъ солнца; сонмы рати звѣздной,
Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ небесъ
И бѣгъ прервется мировыхъ колесъ;
Земля поглотится, какъ капля, бездной,
И будто риза, обветшаетъ твердь.
Но мысль мой образъ: или ей, нетлѣнной,
Млѣть и дрожать? — Ей что такое смерть?
Надъ пепломъ догорающей вселенной,
Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ
Она полетъ направитъ дерзновенный
Въ мой домъ, въ страну родимыхъ ей духовъ!»

Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ, я ли
Пребуду сердцемъ прилепленъ къ землѣ:
Къ ея обманамъ, призракамъ и мглѣ,
Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
И къ той ничтожной суетной мечтѣ,
Напитанной убійственной отравой,
Которую въ безумной слѣпотѣ
Мы называемъ счастіемъ и славой?

Смѣжу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ желаній всѣхъ предѣлъ,
Уже ль и нынѣ только то, что можетъ
Мнѣ дать юдоль страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожитъ
Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ?

XXIX.

19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА.

(66.)

Шумитъ потокъ временъ. Ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ ...
Давно ... Европы страхъ — сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами. На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали —

Поминки нашей юности — и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя,
Всѣхъ васъ, лицея нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ —
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ ... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!
Твой образъ — свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты;
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.

Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья;
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій —
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.

О, братъ мой! много съ той поры прошло,
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ торкватовой судьбою.
И что жь? опять передо мной свѣтло:
Какъ сонъ тяжелый, горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло — гляжу въ лицо природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.

О, другъ! хотя мой волосъ посѣдѣлъ,
Но сердце бьется молодо и смѣло.
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло,
Еще мнѣ божій міръ не надоѣлъ.
Чтó ждетъ меня? Обманы нашъ удѣлъ,
Но въ эту грудь вонзилось много стрѣлъ;
Терпѣлъ я много, обливался кровью:
Что, если въ осень дней столкнусь съ любовью?

XXX.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

(67.)

Скажи: совсѣмъ ли мнѣ ты измѣнилъ,
Доселѣ неизмѣнный мой хранитель?
Для узника въ волшебную обитель
Темницу превращалъ ты, Исфраилъ:
Я былъ одинъ покинутъ всѣми въ мірѣ,
Всего страшился, даже и надеждъ ...
Бывало же, коснешься томныхъ вѣждъ —
Съ нихъ снимешь мракъ, дашь жизнь и силу лирѣ,
И снова я свободенъ и могучъ:
Растаяли затооры, спали цѣпи,
И, какъ орелъ подъ солнцемъ изъ за-тучь
Обозрѣваетъ горы, рѣки, степи,
Такъ вижу міръ раскрытый подъ собой,
И радостно, сквозь ужасъ хладной ночи,
Бросаю полные восторга очи
На свитокъ, писанный судьбы рукой! ...
А нынѣ пали стѣны предо-мной:
Я воленъ; что же? блѣдныя заботы
И грязный трудъ, и вопль глухой нужды,
И визгъ дѣтей, и стукъ тупой работы
Перекричали пѣснь златой мечты,
Смѣли, какъ прахъ, съ души моей видѣнья,
Отняли время и досугъ творить —
И вялыхъ дней безжизненная нить
Прядется мнѣ изъ мукъ и утомленья.

XXXI.

19 ОКТЯБРЯ 1837.

(68.)

Блаженъ кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!
Блаженъ! лицо его, всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ какъ солнце, вѣчно золотое,
Какъ первая эдемская заря.

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ ...
И вотъ опять лицея день священный ...
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши —
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ.

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она меня того лишаетъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразлучно слитъ!
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе, разлуку, сиротство̀;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!

Теперь пора! Не пламень, не перунъ
Меня убилъ; нѣтъ! вязну средь болота;
Горою давятъ нужды и забота,
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ!
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ, столь же хладныхъ и нѣмыхъ?

XXXII.

Б Р А Т У.

(69.)

Минули же и годы заточенья,
А думалъ я: конца не будетъ имъ!
Податели молитвъ и вдохновенья,
Они парили надъ челомъ моимъ
И были ихъ отзывы пѣснопенья —
И что жь? обуреваемъ и томимъ
Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.

Не для его я созданъ: только шагъ
Ступить успѣлъ я за священный прахъ
Пріюта тихихъ думъ — и ужь во власти
Глухихъ заботъ, и закипѣли страсти,
И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части:
Затрепетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.

Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата:
(Душа же съ ними свыклась, жизнь срослась);
Но пусть! — я и безъ нихъ любовью брата
Счастливъ бы былъ; съ нимъ вмѣстѣ, не страшась,
Вступилъ бы я въ борьбу — и сопостата
Мы побороли бы; нѣтъ, дружныхъ насъ
Не одолѣлъ бы! можетъ-быть, и лира
Вновь оживилась бы на лонѣ мира!

О! почему, неопытный борецъ,
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжалъ и ранилъ? Пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мнѣ вѣнецъ —
Ахъ! лучше бы я положилъ, пѣвецъ
Забытый всѣми, голову сѣдую
Въ безвѣстный темный гробъ, чѣмъ эту грудь
И безъ того больную оттолкнуть!

Гдѣ время тò, когда, уединенный,
Къ нему я въ даль объятья простиралъ,
Когда и онъ, любовью ослѣпленный,
Меня къ себѣ подъ кровъ свой призывалъ?

Я наконецъ перешагнулъ Уралъ,
Перелетѣлъ твой ледъ, Байкалъ священный —
И вотъ свою суровую судьбу
Я внесъ въ его смиренную избу!

Судьбу того, кто съ самой колыбели
Былъ бѣдъ звѣздою всѣмъ своимъ друзьямъ ...
За нихъ подъемля руки къ небесамъ,
Моляся, чтобы скорби пролетѣли
Надъ милыми, сердца ихъ я же самъ,
Бывало, растерзаю! Охладѣли,
Заснули многіе: ты не отъятъ,
Ты мнѣ одинъ остался, другъ и братъ!

А между тѣмъ ... покинемъ и забудемъ,
Забудемъ бури, будто злые сны!
Не станемъ вѣрить ни страстямъ, ни людямъ ...
Оставь мнѣ, отпусти мы вины!
Отнынѣ въ жизни неразлучны будемъ:
Вѣдь той же матерью мы рождены;
Сотремъ всѣ пятна съ памятной скрижали;
Все пополамъ: и радость и печали!

1837 г.

XXXIII.

ОНИ МОИХЪ СТРАДАНІЙ НЕ ПОЙМУТЪ.

(70.)

Они моихъ страданій не поймутъ;
Для нихъ смѣшонъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли!

Хоть мигъ покоя дайте! нѣтъ и нѣтъ!
Вотъ вспыхнуло: Я вспрянулъ — я поэтъ! . . .
Божественный объемлетъ душу пламень,
Толпятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ — и все напрасно: нѣтъ!
Пропало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепетъ струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ звукахъ
И умеръ бы, какъ грома дальный гулъ . . .
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ!
Нѣтъ! не страшусь убійственныхъ объятій
Огромнаго несчастья: Рокъ, души!
Ты выжмешь жизнь — не выдавишь души . . .
Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватій,
Отъ лепета сосѣдей и друзей! . . .
Не говорите мнѣ: «ты Прометей!»
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прикованъ,
Его терзалъ не глупый воробей,
А мощный коршунъ. Былъ я очарованъ
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой,
И съ нею всѣ земныя испытанья;
Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,
Умретъ, но не лишится воздаянья
И вырветъ на послѣдокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ суровыхъ . . . Бѣдный я слѣпецъ!
Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей темницы,
Толкаетъ въ міръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ!)
А мой то міръ изчезъ, какъ блескъ зарницы,
И быть нулемъ отнынѣ мой удѣлъ! . . .

XXXIV.

ПОСВЯЩЕНІЕ

ПОЭМЫ: «СИРОТА» А. С. ПУШКИНУ.

(78.)

Туда, въ обитель наслажденья
Подъ кровъ, гдѣ ты — не рабъ суетъ —
Любовь, и миръ, и вдохновенья
Изъ жизни черпаешь, поэтъ,
Туда несется мой привѣтъ!
Тамъ ты на якорѣ — и бури
Ужь не мрачатъ твоей лазури.

За друга и мои мольбы
Горѐ парили къ Пресвятому,
И внялъ Отецъ и Царь судьбы:
Будь слава промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышелъ. Что и грому
Гремѣть отнынѣ? Былъ свирѣпъ;
Но ты подъ ревъ его окрѣпъ.

Тотъ, на кого я уповаю
Меня услышитъ! Данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты — и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть;
Расторгъ ты козни вѣроломства;
И такъ: впередъ, и въ слухъ потомства

Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да несокроется! Избранный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эѳиръ свободный и пространный
Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

А я, надеждою одною
На мощь и силу друга смѣлъ,
Страшусь стремиться за тобою;
Не свѣтлый выпалъ мнѣ удѣлъ ...
Но, братъ, и я хранимъ судьбою:
Вотще я трепеталъ и млѣлъ;
Цѣлебна чаша испытанья,
Восторга не зальютъ страданья.

Еще не вовсе я погасъ,
Не вовсе пѣсни мнѣ постыли,
И арфу я беру подъ часъ,
Изъ гроба вызываю были,
И тѣло имъ даетъ мой гласъ —
Мечты меня не позабыли:
Не пламень, не огонь мой даръ,
Онъ подъ золою тихій жаръ.

Что нужды? жаръ тотъ благодатенъ:
Я имъ питаемъ и живимъ!
И дружбѣ будетъ же пріятенъ
Смиренный цвѣтъ, рожденный имъ.

Пусть будетъ голосъ мой невнятенъ
Сердцамъ, съ рожденія глухимъ —
Не посвящаю пѣсни свѣту,
Но сердцу друга, но поэту!

XXXV.

ПРИ ИСХОДѢ 1841 ГОДА.

(88.)

Что скажу я при исходѣ года?
Слава Богу, что и онъ ушолъ!
Былъ онъ для изгнанника тяжолъ,
Мрачный, какъ сибирская природа.

Повторять ли въ сотый разъ: «все тлѣнно,
Все подъ солнцемъ дымъ и суета»?
Не повѣрятъ! Тѣшитъ ихъ мечта ...
Для людей ли тò, что совершенно?

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цѣпь пустыхъ заботъ и мукъ и сновъ,
Глупый стукъ растроенныхъ часовъ —
Гадки вы душѣ моей усталой.

XXXVI.

СОВѢТЪ.

(93.)

Когда же злая чернь не клеветала?
Когда же въ грязь не силилась втянуть
Избранниковъ, которымъ горній путь
Рука Господня въ небѣ начертала?
Ты говоришь: «я одаренъ душой!»
Зачѣмъ же ты мѣшаешься съ толпой?

Толпѣ безсмысленной мое презрѣнье:
Но сына Лаія почтилъ Тезей;
Такъ предъ страдальцемъ ты благоговѣй,
Иль самъ свое подпишешь осужденье.
Пѣвцу въ твоемъ участьи нужды нѣтъ;
Но сожалѣетъ о тебѣ поэтъ.

Глубокихъ ранъ, кровавыхъ язвъ сердечныхъ
Мнѣ много жадный наносилъ кинжалъ,
Который не въ рукѣ враговъ сверкалъ —
Увы — въ рукѣ друзей безчеловѣчныхъ!
Что жь? знать во мнѣ избытокъ дивныхъ силъ —
Ты видишь: я тѣ язвы пережилъ.

Теперь я старъ, слабѣю — но и эту
Переживу: вѣдь мнѣ насущный хлѣбъ
Терзанья; вѣдь наперстнику судебъ
Недаромъ достается путь ко свѣту.
Страдать, терпѣть готовъ я до конца:
Съ чела святаго не сорвутъ вѣнца.

Умру и смолкнетъ хохотъ вѣроломства;
Меня покроетъ чудотворный щитъ,
Всѣ стрѣлы клеветы онъ отразитъ ...
Смѣются? пусть! проклятіе потомства
Не минетъ ихъ — осмѣянъ былъ же Тассъ ...
Быть-можетъ, тотъ, кто здѣсь стоитъ средь васъ,

Не менѣ Тасса ... Будь же остороженъ,
Къ врагамъ моимъ себя не пріобщай,
Безчестнаго безсмертья не желай:
Я слабъ и дряхлъ, и теменъ, и ничтоженъ,
Но только здѣсь; моимъ злодѣямъ тамъ
За ихъ вражду награда — вѣчный срамъ.

XXXVII.

ПСАЛОМЪ 143.

(103.)

Господь мою десницу брани,
И мышцы битвамъ научилъ;
Къ нему воздвигну гласъ и длани:
Благословенъ Податель силъ!

Благословенъ мой Избавитель,
Крушитель броней и забралъ,
Помощникъ мой и Защититель,
Богъ — на него жь я уповалъ!

Что человѣкъ, о Всемогущіи?
А на него взираешь Ты
Изъ свѣтлой, неприступной кущи,
Съ небесной тайной высоты!

Ночному мы равны призраку,
Исшельцу изъ жилища тьмы,
Весеннему подобны злаку,
Травы скорѣе вянемъ мы.

Всевышній небо преклоняетъ
И — въ буряхъ, молніяхъ и мглѣ —
Средь облакъ путь свой направляетъ
Къ объятой трепетомъ землѣ.

Онъ гнѣвные преклонитъ взоры —
И бездны стонутъ и ревутъ,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бѣгутъ.

Простеръ святую съ неба руку —
Исторгъ меня изъ шумныхъ водъ,
Послалъ на грѣшныхъ скорбь и муку,
Сразилъ, развѣялъ злобный родъ!

Ковали хищники крамолы;
Десница лжи десница ихъ,
Въ устахъ ихъ тщетные глаголы;
Исчезли въ замыслахъ своихъ ...

Прославлю на златой псалтирѣ
Защиту Бога моего:
Пою по бранѣ въ сладкомъ мирѣ,
Пою, ликующій, Его,

Его, дающаго спасенье
И честь, и торжество царю!
Къ тебѣ, Давида заступленье,
Мой Господи, къ тебѣ парю!

Отъ гладнаго меча, Владыка,
Ты твоего раба хранилъ;
Каратель чуждаго языка,
Ихъ гонишь духомъ бурныхъ крылъ.

Ихъ зрѣлъ я: юная дубрава,
Воздвиглись мощные сыны;
Одежда дщерей — блескъ и слава,
Въ красу, какъ храмъ, облачены.

Питаются роскошной паствой
Ихъ многоплодныя стада;
Трапезы клонятся подъ яствой;
За ихъ виномъ молчитъ вражда;

Молчитъ мятежъ и своевольство,
Окованъ дерзостный разбой;
Ихъ нѣжитъ тучное довольство,
Труды ихъ золотитъ покой.

Грядутъ — и очи къ нимъ подъемлютъ
Пришельцы изъ земель чужихъ;
Восторженнымъ ихъ пѣснямъ внемлютъ
И ублажаютъ долю ихъ!

Но блага грѣшниковъ мгновенны:
Подунетъ вѣтеръ — гибнетъ плотъ!
Сыны жь Израиля блаженны:
Хранитель нашъ и Богъ — Господь!

XXXVIII.

АРГУНЬ.

(106.)

Еще одну я къ тѣмъ рѣкамъ причислилъ,
Которыхъ берегъ я, скиталецъ, посѣтилъ —
И тамъ, съ утратою своихъ сердечныхъ силъ,
Терзался и молчалъ, но чувствовалъ, но мыслилъ,
Разлуку вѣчную предвидѣлъ — но любилъ.
Да, вотъ и эти дни какъ призракъ пролетѣли!
До гроба ли ты будешь молодымъ,
Мучитель-сердце? Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь къ недостижимой цѣли,
Твоимъ желаніямъ несытымъ и слѣпымъ?
Любить и мыслить ... Почему жь не можетъ
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой духъ безъ устали тревожитъ
И хочетъ, и велитъ, чтобъ вѣчно тратилъ я?
Увы! съ послѣднимъ другомъ разставанье!
По-крайней-мѣрѣ безъ пятна!
Хоть это сбережотъ воспоминанье
И думъ и чувствъ моихъ скупая глубина.
Шуми же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чѣмъ пасмурный Ононъ:
И тамъ мнѣ было разлученье;
Но передъ тѣмъ меня прельщалъ безумный сонъ,
И чуть не умертвило пробужденье.

XXXIX.

КЪ ВИКТОРУ ГЮГО.

Прочитавъ извѣстіе, что у него потонула дочь.

(111.)

Не суждено мнѣ было въ мірѣ
Съ тобою встрѣтиться, поэтъ,
И ужь на западѣ моихъ унылыхъ лѣтъ
Я внялъ твоей волшебной лирѣ.
Я мигъ гостилъ въ землѣ твоей;
Я, сынъ иной судьбы, инаго поколѣнья;
Я не видалъ твоихъ очей,
Въ нихъ не привѣтствовалъ перуновъ вдохновенья —
Но дорогъ ты душѣ моей.
Успѣховъ и похвалъ питомецъ, нѣгъ и блеска,
Ты къ бурѣ бѣшенаго плеска
Съ разсвѣта своего привыкъ.
И не одной толпы ничтожный, шумный крикъ
Превозносилъ тебя: младенческія руки
Исторгли первые изъ струнъ дрожащихъ звуки —
И встрепенулся вдругъ божественный старикъ;
Съ живою жаждою къ потоку ихъ приникъ
Не льстецъ побѣды, не удачъ служитель,
Но онъ, поэзіи и вѣры воскреситель,
Онъ, рыцарь и пѣвецъ, и честный человѣкъ,
И жертвъ судьбы безстрашный защититель
Въ продажный и распутный вѣкъ.

«Гигантъ-дитя!» *онъ* о тебѣ изрекъ
Когда завидѣлъ, какъ, покинувъ мракъ и долы,
Ты, полный юныхъ, свѣжихъ силъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ
Когда послышалъ тѣ чудесные глаголы,
Какіе изъ за-тучь ты, вдохновенный, лилъ!

Подъ властью я рожденъ враждебныхъ мнѣ свѣтилъ,
И рано крылья черной бури
Затмили блескъ моей лазури;
Я тяжкихъ десять лѣтъ въ темницѣ изнывалъ —
Умру въ глухихъ степяхъ изгнанья . . .
Однако же, какъ ты, такой же я кристаллъ,
Въ которомъ радужно дробится свѣтъ созданья;
Одинъ изъ вѣщихъ гуловъ я
Рыданій плача мірового;
Душа знакома и моя
Съ наитьемъ духа неземного!
Гюго! — не вѣчно и тебѣ
Смѣялось вѣтренное счастье.
Ты также заплатилъ свой долгъ судьбѣ.
Увы, мой братъ! и ты вкушалъ же сладострастье
Неизрѣченную утѣху горькихъ слёзъ . . .
И вотъ же рокъ тебѣ нанесъ
Ударъ, убійственно-жестокій!
Воображаю я, какъ стонешь одинокій,
Какъ вопрошаешь ты нѣмую эту ночь:
«Итакъ моя любимица и дочь
«Ужели въ-самомъ-дѣлѣ зѣвъ пучины? . . .»
Не договаривай: плачь, труженикъ-пѣвецъ!
Тебѣ сочувствую: ахъ, вѣдь и я отецъ!
Ножъ и въ мой груди негаснущей кручины:

Съ могилы сына моего
Надъ дочерью твоей, Гюго, рыдаю нынѣ . . .
Въ столицѣ міра ты; я въ ссылкѣ, я въ пустынѣ:
Но родственная скорбь не тоже ли родство?

XL.

ЖРЕБІЙ ПОЭТА.

(113.)

Какъ путникъ, вѣтрами носимый
По бурнымъ, плещущимъ волнамъ,
По бѣзднѣ водъ необозримой,
Стремитъ къ невидимымъ звѣздамъ,
Сквозь мракъ ревущей полуночи,
Спасенья жаждущія очи,
И, въ страхѣ, къ дальнымъ берегамъ
Въ слезахъ распростираетъ руки . . .
(Тамъ всѣ его исчезнутъ муки,
Усталаго ждетъ пристань тамъ) —

Такъ я, средь сердца грозъ мятежныхъ,
Совсѣмъ измученный борьбой,
Добыча бѣдствій неизбѣжныхъ,
Звалъ тщетно сладостный покой!
Нигдѣ мнѣ небыло пощады:
Изъ края въ край, изъ вѣсей въ грады
Я былъ преслѣдованъ судьбой . . .
Нѣтъ, не могли святыя струны
Громъ оковать, связать перуны;
Ревѣли бури надо мной.

О! страшно быть сосудомъ бреннымъ,
Пророкомъ радостныхъ боговъ!
Снѣдаемый огнемъ священнымъ,
Внушителемъ златыхъ стиховъ,
Тотъ преданъ въ жертву грозной власти,
Въ комъ пѣсней жаръ питаютъ страсти:
Его и самая любовь
Порабощаетъ мрачнымъ силамъ;
Въ немъ шумно, яростно по жиламъ
Течетъ неистовая кровь.

Въ замѣну, предъ лицемъ Кронида
Всесиленъ вѣщихъ пѣсней гласъ:
Имъ въ темномъ адѣ Немезида,
Имъ въ свѣтломъ небѣ Локсіасъ,
Имъ на землѣ вѣка внимаютъ,
И на главѣ пѣвца считаютъ
И сохраняютъ клаждый власъ.
Онъ входитъ въ горніе предѣлы,
Беретъ изъ длани Зевса стрѣлы —
И нечестивыхъ страхъ потрясъ.

Гремятъ его хвалы и клятвы
До запада позднѣйшихъ дней:
Онъ сѣетъ ихъ для вѣрной жатвы.
Злодѣй, содрогнись и блѣдней,
Бѣги за волны Ахерона!
Вотъ лукъ, даянье Аполлона:
Онъ губитъ изверговъ и змѣй ...
Ужь тетива рога стянула;
Исчезни же! утроба тула
Полна мучительныхъ смертей!

XLI.

УПОВАНІЕ НА БОГА.

(115.)

На Бога возложу надежду:
Не Онъ ли въ миръ меня облекъ?
Не Онъ ли черную одежду,
Хулу и скорбь съ меня совлекъ?

Мои враги торжествовали —
«Погибни!» ихъ вѣщалъ языкъ.
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ:
Злодѣи въ козняхъ обнищали.

Онъ правоту мою явилъ,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрылъ.

Десницу къ звучному органу
Простру и воскрилюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану;
Ты мечъ и щитъ и панцырь мой!

Глаголъ съ небесъ въ меня вложенный,
Какъ громъ, промчится въ времена:
Дивясь, умолкнутъ племена;
Свой слухъ преклонятъ изумленный
Моря и долъ, и вышина.

Гремите же, святыя струны,
Предъ Богомъ: онъ хранитъ пѣвца!
Раздайтесь до міровъ конца!
Летите звучные перуны,
Разите гордыя сердца!

XLII.

МОЛИТВА.

(116.)

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
Небеснаго взыщу Отца:
Недай мнѣ Боже пасть душою,
Но да крѣплюся до конца!

Ты знаешь испытаній мѣру,
Что мнѣ во благо, знаешь Ты:
Пролей живительную вѣру
Въ меня съ надзвѣздной высоты!

Душа моя не есть ли поле
Изсохшее въ тяжелый зной?
О Боже! Боже мой! до колѣ
Отринутъ буду я Тобой?

Не презри Твоего созданья;
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчецъ!

Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ моихъ очей!

Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

XLIII.

МОЛИТВА УЗНИКА.

(117.)

Руку простри надъ моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты осѣни милосердой десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ вопію!

Нѣтъ! своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отецъ?
Зри мои слёзы, сочти воздыханья,
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!

Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближній мнѣ гибель изрекъ . . .
Такъ! я спасуся единымъ Тобою!
Господи! что предъ Тобой человѣкъ!

Боже мой! тяжки мои преступленья!
Мѣрила нѣтъ моимъ тяжкимъ дѣламъ . . .
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ господнимъ очамъ!

Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣнъ!
Слёзы! — омоюсь купелію вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣнъ —

Новъ и для жизни, Ему посвященной . . .
Онъ мой спаситель, защитникъ и Богъ!
Съ неба внимаетъ молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ отечески строгъ!

XLIV.

ЛУНА.

(118.)

Тебя ли вижу изъ окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божіей десницы?

Прими же скорбный мой привѣтъ,
Ночное, мирное свѣтило!
Отраденъ мнѣ твой тихій свѣтъ:
Ты мнѣ всю душу озарило.

Такъ, можетъ-быть, не только я,
Страдалецъ, узникъ въ мракѣ ночи —
Быть-можетъ, и мои друзья
Къ тебѣ теперь подъемлютъ очи.

Быть-можетъ, вспомнятъ обо мнѣ —
Заснутъ — съ молитвою, съ любовью
Мой призракъ въ ихъ счастливомъ снѣ
Слетитъ къ родному изголовью —

Благословитъ ихъ ... Но когда
На сводѣ неба запылаетъ
Передразсвѣтная звѣзда,
Мой призракъ, будто паръ, растаетъ.

XLV.

НОЧЬ.

(120.)

Ночь, приди, меня покой
Тишиною и забвеньемъ,
Обольсти меня видѣньемъ —
Отдыхъ дай мнѣ, дай покой!

Пусть ко мнѣ слетитъ во снѣ
Утѣшитель мой ничтожный,
Призракъ быстрый, призракъ ложный,
Легкій призракъ, милый мнѣ!

Незабвенныхъ, дорогихъ
Наслажуся разговоромъ:
Повстрѣчаюся съ ихъ взоромъ,
Уловлю улыбку ихъ!

Предъ мной моя смья:
Позабыты всѣ печали,
Узы будто не бывали,
Будто не въ темницѣ я.

XLVI.

ЛЮБОВЬ.

(121.)

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встрѣчаю вновь?
И даже въ мракѣ заточенья
Ты обрѣла меня, любовь?

Увы! почто твои привѣты?
Къ чему улыбка мнѣ твоя?
Твоимъ свѣтиломъ ли согрѣтый
Воскресну вновь для жизни я?

Нѣтъ, минула пора мечтаній,
Пора надежды и любви:
Отъ мраза лютаго страданій
Хладѣетъ токъ моей крови.

Для узника ли взоровъ страстныхъ
Восторгъ и блескъ, и теплота?
Погаснетъ лучъ въ парахъ ненастныхъ . . .
Забудь страдальца, красота!

XLVII.

КЪ * * *.

(123.)

Такъ счастливъ ты, мой юный, милый другъ:
Къ златому, безмятежному покою,
Въ пріютъ отъ жизненныхъ и бурь и вьюгъ
Тебя ведетъ судьба благой рукою.
Постигнулъ рано ты всю суету,
Всѣ призраки и всѣ обманы свѣта,
И жалкихъ честолюбцевъ слѣпоту
Ты рано оцѣнилъ въ младыя лѣта . . .
Отнынѣ средь наслѣдственныхъ полей
Ты станешь жить для кровныхъ и друзей,
И призовешь въ свое уединенье
Высокій трудъ, отрадное ученье —
И вкругъ тебя прелестныя мечты
Разсѣютъ свѣтлые свои цвѣты . . .
Ты встрѣтишь ихъ въ тѣхъ рощахъ, мнѣ священныхъ,
Гдѣ нѣкогда съ цѣвницей я бродилъ,
Гдѣ нѣкогда съ таинственныхъ свѣтилъ,
Моихъ предтечь, поэтовъ вдохновенныхъ,
Ко мнѣ могущій гимнъ сходилъ!
О мнѣ спроси сѣдаго земледѣльца

(Меня любили дѣти простоты) —
И отъ него мой холмъ узнаешь ты,
Любимый холмъ злосчастнаго пришельца.
Тамъ тишина и запахъ розъ окрестъ,
И сѣнь нѣмаго, дремлющаго бора,
И мирный гробъ, и надъ часовней крестъ —
Тамъ братъ мой спитъ ... и отдаль, близь забора,
Опредѣлилъ я мѣсто и себѣ ...
Когда увидишь край родной, счастливый
И дорогіе мнѣ луга и нивы,
Когда предстанетъ оный холмъ тебѣ,
Тогда ты вспомнишь о моей судьбѣ ...

XLVIII.

ТѢНЬ РЫЛѢЕВА.

(138.)

Въ ужасныхъ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Іоаннъ,
Въ младенчествѣ лишонный богряницы,
Во мракѣ заточенья былъ закланъ
Булатомъ ослѣпленнаго убійцы,
Во тьмѣ, на узничьемъ одрѣ, лежалъ
Пѣвецъ, поклонникъ пламенный свободы.
Отторженъ, отлучонъ отъ всей природы,
Онъ въ вольныхъ думахъ счастія искалъ.
Но не придутъ обратно дни былые:
Прошла пора надеждъ и сновъ ...
И вы, мечты, вы, призраки златые —
Не позлатить желѣзныхъ вамъ оковъ! ...

Тогда (то не былъ сонъ) во мракъ темницы
Небесное видѣніе сошло . . .
Раздался звукъ торжественной цѣвницы . . .
Испуганный пѣвецъ подъялъ чело:
На облакахъ несомый,
Явился образъ, узнику знакомый:

«Несу товарищу привѣтъ
«Изъ той страны, гдѣ нѣтъ тирановъ,
«Гдѣ вѣченъ миръ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
«Гдѣ нѣтъ ни бури, ни тумановъ.
«Блаженъ и славенъ мой удѣлъ:
«Свободу русскому народу
«Могучимъ гласомъ я воспѣлъ,
«Воспѣлъ и умеръ за свободу!
«Счастливецъ, я запечатлѣлъ
«Любовь къ землѣ родимой кровью . . .
«И ты, я знаю, пламенѣлъ
«Къ отчизнѣ чистою любовью.
«Грядущее твоимъ очамъ
«Разоблачу я въ утѣшенье . . .
«Повѣрь, не жертвовалъ ты снамъ:
«Надеждамъ будетъ исполненье!»

Онъ рёкъ — и безтѣлесною рукой
Раздвинулъ стѣны, растворилъ затворы . . .
Воздвигъ пѣвецъ восторженные взоры —
И видитъ: на Руси святой
Свобода, счастье и покой . . .

1827.
Шлисельбургская крѣпость.

XLIX.

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Клянемся честью и Черновымъ —
Вражда и брань временщикамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ!

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ:
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь ...
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ жонъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья —
Падетъ, перуномъ поражонъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье!
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дщерямъ и сестрàмъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты! братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый!
Взнесись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ!

Ликуй! ты избранъ русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ!
Тебѣ данъ проведный вѣнецъ!
Ты будешь чести намъ залогомъ!

1824.

А. А. БЕСТУЖЕВЪ.

А. А. БЕСТУЖЕВЪ.

1797—1837.

Александръ Александровичъ Бестужевъ — добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою ... Отецъ Бестужева, Александръ Ѳедосѣевичъ, умершій рано*), былъ, какъ я слышалъ, человѣкъ умный и почтенный. Онъ издалъ двѣ книги о воспитаніи военнаго юношества**) ... Александръ Бестужевъ учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и вступилъ въ военную службу; былъ адъ-

---

*) Около 1815 года.

**) 1. Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества, начертанный по расположенію знаменитаго итальянскаго законоискусника Филанжера, писавшаго о наукѣ законодательства. Дополненный краткими разсужденіями и нужными примѣчаніями, къ предмету воспитанія касающимися, А. Бестужевымъ. Спб. 1803. (Въ 8-ю д. л.)

2. Правила военнаго воспитанія, относительно благороднаго юношества и наставленія для офицеровъ, военной службѣ себя посвятившихъ, дополненныя нужными примѣрами А. Бес....вымъ. Спб. 1807. (Въ 8-ю д. л.)

Прим. издателя.

ютантомъ главноуправляющаго путями сообщенія, генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ ту же должность герцога Александра Вюртембергскаго, брата императрицы Маріи Ѳедоровны. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать ея благоволеніе, но отецъ не согласился на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящихъ и отказывать докучливымъ. Познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, вдался въ заговоръ, и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться ... и — погибъ. Вѣроятно мучило его и желаніе стать выше, подняться до степени аристократовъ, игравшихъ роль въ обществѣ. Мало ему было славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которые одинъ пріятель называлъ *бестужевскими каплями*. Повѣсть «Аммалатъ-Бекъ» и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнётомъ тяжкихъ обстоятельствъ, среди тундръ якутскихъ, или подъ солдатскою шинелью въ ущеліяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлемыхъ, своеобразныхъ талантахъ, которые, созрѣвъ въ жизни благопріятной, дали бы ему почетное мѣсто въ первомъ ряду русскихъ писателей. Онъ просилъ меня изъ Якутска о присылкѣ ему книгъ. Дѣло было щекотливое. Благонамѣренныя книги — глупы или по-крайней-мѣрѣ скучны. Другихъ нельзя было отправить. Что же я сдѣлалъ? Послалъ ему нѣсколько латинскихъ классиковъ съ переводомъ en regard,

и пособія къ изученію латинскаю языка. Онъ этимъ воспользовался и чрезъ нѣсколько времени сталъ понимать и читать Римлянъ, которымъ прежде того вздумалъ-было подражать.

Въ мятежъ дѣйствовалъ онъ въ Московскомъ полку; но не онъ, а капитанъ князь Щепкинъ-Ростовскій ранилъ нѣсколько человѣкъ изъ начальниковъ, старавшихся остановить ошаломленныхъ солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь впереди увлеченнаго батальона, размахивая саблею и крича: «Ура, Константинъ! долой Николая! Извести картофельницу!» (разумѣя Александру Ѳедоровну) ... Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади, и по окончаніи сраженія успѣлъ уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ онъ явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго Дворца и сказалъ дежурному по карауламъ полковнику: «Я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ». Это было произнесено спокойно, просто. Увидѣвъ моего брата, бывшаго въ караулѣ, онъ сдѣлалъ видъ, будто его не знаетъ. «Вяжите его», сказалъ солдатамъ одинъ унтеръ-офицеръ. «Не троньте его», возразилъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, только что назначенный въ флигель-адъютанты: «онъ не взятъ, а самъ явился» — и повелъ его къ государю. Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ предъ государемъ все, какъ было, и умѣлъ заслужить вниманіе Николая. Слова Бестужева принимаемы были безъ малѣйшаго сомнѣнія. Государь спросилъ у него: «Скажи правду, участвовали ли въ вашемъ дѣлѣ журналисты?» — «Нѣтъ, ваше величество, они не имѣли о немъ ни

малѣйшаго понятія». — «Какъ же это? Вы были съ ними въ безпрестанныхъ сношеніяхъ». — «Булгарину мы не могли ввѣриться: онъ Полякъ и дѣло Россіи ему чуждо. Греча мы не хотѣли запутать: онъ не одного съ нами мнѣнія, притомъ онъ отецъ семейства, да еще слишкомъ довѣрчивъ и откровененъ: тотчасъ разболталъ бы нашу тайну». Когда допросъ кончился, и Бестужева повели въ крѣпость, великій князь Михаилъ Павловичъ нагналъ его на крыльцѣ и спросилъ убѣдительно: «Скажи правду, Бестужевъ, знали ли Гречь и Булгаринъ о вашемъ замыслѣ?» — «Ваше высочество», сказалъ Бестужевъ: «клянусь вамъ — они были чужды всему этому дѣлу и понятія о немъ не имѣли». Въ слѣдствіе этаго, всѣ навѣты и доносы на насъ были отвергаемы государемъ — и насъ не тронули. Долгомъ считаю объявить объ этомъ въ честь Бестужева и для выраженія ему чувствъ искренней благодарности за могилою. Онъ видитъ и слышитъ меня. Таковъ онъ былъ и во все продолженіе производства дѣла: говорилъ прямо и просто сущую правду, и, сколько извѣстно, съ нею щадилъ другихъ. Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обѣщалъ ему прощеніе — и сдержалъ свое слово *по своему*. Его не отсылали на такъ-называемую каторгу, но отправили на жительство въ русскій Сорренто — Якутскъ, а оттуда перевели въ кавказскій корпусъ солдатомъ*). Бестужевъ несъ службу безропотно и усердно, получилъ чинъ унтеръ-

---

*) Въ Якутскъ прибылъ онъ въ концѣ 1826 года, а на Кавказъ переведелъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1829 года.

Прим. издателя.

офицера, георгіевскій крестъ*), былъ произведенъ въ прапорщики и погибъ въ дѣлѣ съ горцами въ лѣсу**). Тѣло его не было найдено. Повышенію его по службѣ и смягченію его судьбы повредила одна исторія. Онъ имѣлъ любовницу, унтеръ-офицерскую дочь. Она застрѣлилась у него въ палаткѣ. Обстоятельства этаго самоубійства были неясны. Подозрѣвали и обвиняли въ умерщвленіи ея ревность Бестужева. Дѣло это извѣстно Богу***). Намъ остается только жалѣть отъ глубины сердца о потерѣ человѣка, который, при другой обстановкѣ, сдѣлался бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ: можетъ-быть *графъ* Бестужевъ отстоялъ бы Севастополь. Богъ суди тѣхъ, которые сгубили достойныхъ иной участи молодыхъ людей, и лишили Россію благороднѣйшихъ сыновъ! Остался урокъ потомству. Да пользуются ли уроками?

(Изъ «Записокъ не Декабриста».)

---

*) Здѣсь ошибка: Бестужева представляли къ наградѣ орденомъ св. Георгія за храбрость, но представленіе не было утверждено.

**) При занятіи мыса Адлеръ, 7-го іюня 1837 года.

***) Авторъ «Записокъ» разсказываетъ это происшествіе по тѣмъ слухамъ, которые ходили тогда въ Петербургѣ. Но всѣ обстоятельства этаго рокового для Бестужева событія достаточно-ясно и обстоятельно разсказаны въ его письмахъ, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1860, т. 130, NNo. 5 и 6, стр. 161—166 и 299—314). По прочтеніи ихъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ни какого умышленнаго убійства не было; не было мѣста здѣсь и ревности Бестужева.

Прим. издателя.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. БЕСТУЖЕВА.

I.

ПѢСНЯ.

(На голосъ: «Ужь какъ палъ туманъ на синё море».)

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору —
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать!
И не бурей палъ дòлу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко —
Смерти ночь легла въ поле бранное ...
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
«Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
«Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.

«Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
«И скажи: цѣпей я нести не могъ ...
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не могъ купить кровью вольности!»

1827 г.

II.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

ДУМА.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ;
Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровенным
Граничатъ въ жизни межъ собой.

Въ издранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ птенцамъ,
Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
И радостно на Божій храмъ.

Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
Какъ будто бъ мысль его мгновенно онъ проникъ;
И человѣчеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ.

На страждущую чернь, чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ вниманіемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
На хартію судебъ какъ-будто опираясь,
Онъ что-то высказать хотѣлъ.

Съ молитвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступлённыхъ,
Для нищей братіи онъ милостынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможонныхъ
Рукой изсохшею крестилъ.

И твердый, какъ скала противъ ударовъ грома,
Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ;
Скитаясь пò свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ.

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
Злодѣю сильному паденье предрекалъ;
Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни
За осужденнаго страдалъ.

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ
И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы
Объятья простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ — развалина судьбы.

Таинственный глаголъ, чувствъ праведныхъ избытокъ,
Какъ цѣпи узника, томили старика,
И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
Временъ маститая рука.

Миръ праху твоему! Всевышняю избранникъ,
Предвѣдѣній твоихъ ни кто не оцѣнитъ,
Лишь я, младой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
Твой подвигъ думаю почтить.

III.

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

(Изъ Кампе.)

Твой первый долгъ — благодаренье
Къ Творцу! — душа вспорхнула вновь ...
Господь твое услышитъ пѣнье:
Воспой еми хвалу, любовь!
Въ своей охранѣ, слабосильный,
Я легъ — и тихо, мирно спалъ;
Кто жь благодатью столь обильной
Меня хранилъ, мнѣ сонъ послалъ?
Се Ты, Господь, владыка свѣта!
Тобой мы движемся, есмы ...
Се Ты, по благости совѣта,
Меня возставилъ вновь изъ тьмы!
Хвала святому Провидѣнью!
Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ,
Что мнѣ еще день къ наслажденью
По тихой нощи присудилъ!
Пошли Твое благословенье,
Подаждь мнѣ путь Твой совершить,
И Самъ мнѣ дàруй наставленье
Тебѣ угодное творить!
Ты будь и впредь мой Богъ-хранитель,
Надежда вся моя, Творецъ!
Будь мнѣ въ напасти покровитель
И къ слабостямъ моимъ отецъ!
Подай мнѣ сердце непорочно,
Исполненно любви къ другимъ,

Чтобъ ревностно, всегда и точно
Къ дѣламъ стремилося благимъ!
Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
Къ добру питалъ и правдѣ страсть,
А не страстями ослѣпленный,
Порокамъ отдался́ во власть.
Чтобъ трудности не опасался
Я въ нуждѣ ближнимъ помогать,
Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,
Умѣлъ сердецъ ихъ цѣну знать.
Чтобъ благо жизни скоротечной
Я съ благодарностью вкусилъ,
И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣчный
По манью Твоему вступилъ!

Швартгольмъ.
29 января 1827 года.

IV.

НАДПИСЬ НА МОГИЛѢ МИХАЛЕВЫХЪ ВЪ ЯКУТСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Неумолимая, холодная могила
Здѣсь сѣдины отца и сына цвѣтъ сокрыла.
Одинъ подъ вечеръ дней, другой въ полудни лѣтъ
Къ предѣламъ вѣчности нашли незримый слѣдъ.
Счастливцы! Здѣсь и тамъ не знали вы разлуки,
Не знали пережить родныхъ тяжелой муки.
Любовью родственной горѣвшія сердца,

Покой вкусили вдругъ для общаго вѣнца.
Мы плачемъ; но вдали утѣшный голосъ вѣетъ,
Подъ горестной слезой зерно спасенья зрѣетъ,
И всѣ мы свидимся въ объятіяхъ Творца.

1828 г.

Н. И. ЛОРЕРЪ.

Н. И. ЛОРЕРЪ.

Все что мы знаемъ о Николаѣ Ивановичѣ Лорерѣ — это то, что онъ въ 1825 году служилъ, въ чинѣ майора, въ Вятскомъ пѣхотномъ полку, которымъ въ то время командовалъ глава южнаго тайнаго общества, полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель. Изъ «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи» видно только, что онъ былъ членомъ южнаго тайнаго общества, за что былъ арестованъ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, судимъ и приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, по лишеніи чиновъ и двовянства, къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на 12 лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ государемъ 10 іюля 1826 года. Манифестомъ отъ 22 августа 1826 года срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12-ти на 8 лѣтъ. 17-го марта 1827 года Николай Ивановичъ прибылъ на мѣсто ссылки и поступилъ въ нерчинскіе рудники, откуда былъ переведенъ, впослѣдствіи, на Петровскій заводъ, гдѣ и пробылъ до 8-го ноября 1832 года, то-есть до ссылки на поселеніе въ Курганъ. Затѣмъ въ 1837 году былъ опредѣленъ рядовымъ въ Кавказскій корпусъ, по прибытіи въ который, былъ

записанъ, 28-го іюля того же года, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ; въ августѣ 1838 года произведенъ въ унтеръ-офицеры, а 10-го октября 1840 года — въ прапорщики. Прослуживъ еще около полутора года на Кавказѣ, Лореръ былъ, наконецъ, уволенъ въ отставку сначала въ Херсонскую губернію, а потомъ въ селеніе Водяное, для жительства у брата. Въ настоящее время Николай Ивановичъ Лореръ живетъ въ имѣніи брата, въ Харьковской губерніи.

Портретъ Лорера, изданный въ прошломъ году въ Петербургѣ, снятъ въ 1841 году, въ бытность его на Кавказѣ. Что же касается стихотворенія «Наполеонъ», то мы не умѣемъ опредѣлить времени его сочиненія. Первоначально оно появилось въ печати въ «Русской Потаенной Литературѣ XIX столѣтія», сборникѣ, изданномъ въ 1861 году въ Лондонѣ Н. И. Огаревымъ (ч. I, стр. 266), но съ значительными пропусками. Здѣсь стихотвореніе напечатано съ хорошаго списка.

18 мая 1862 г.

Л. Л. Л.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Н. И. ЛОРЕРА.

НАПОЛЕОНЪ.

У моря, на скалѣ угрюмой,
Главу на грудь уныло преклоня,
Державный плѣнникъ, съ тяжкой думой,
Одинъ сидѣлъ. Свѣтило дня
На западѣ изъ черныхъ тучь сіяло
И пурпурной порфирой покрывало
Бездонную пучину синихъ водъ.

«Торжественъ твой и западъ и восходъ;
Ты не померкнешь въ тучѣ чорной;
Ты не погаснешь въ моря глубинѣ;
Твой ликъ нетлѣнный, животворный
Царитъ, какъ Богъ, въ небесной вышинѣ!
Не твой удѣлъ на жребій выпалъ мнѣ:
Какъ ты, моя звѣзда привѣтиво сіяла,
Въ пучинѣ звѣздъ соперницы не знала,
И грозная носилась надъ землей,

Пророча смерть и разрушенье —
Но все похитило единое мгновенье ...
О, Ватерло! теперь судьбы моей
Едва примѣтенъ лучъ надъ современной бездной:
Безъ славы и безъ битвъ душой осиротѣвъ,
Подъ сворой дружныхъ псовъ я усмиренъ какъ лѣвъ —
И лицемѣрнымъ сномъ дремлю въ тюрьмѣ желѣзной.
Кричатъ: «онъ побѣжденъ!» Такъ что жь? Я Аннибалъ!
Исторія, твои завѣтныя скрижали
Несчастіемъ его не упрекали;
Ты врѣзала на нихъ: «онъ Римлянъ побѣждалъ!»
Моя соперница — Россія,
Но побѣдитель мой — судьба ...
Я шолъ не по слѣдамъ Батыя,
И не безсмысленна была моя борьба:
Я движимъ былъ не погремушкой славы ...
Я видѣлъ пеплъ Москвы, но я не Геростратъ ...
Всѣ царства я-бъ сложилъ въ итогъ одной державы ...
Я правъ передъ людьми, предъ Богомъ — виноватъ:
Я не постигъ его предназначенья,
Но, ослѣпленъ успѣхомъ чудныхъ дѣлъ,
Хотѣлъ переступить, въ пылу самозабвенья,
Божественнымъ перстомъ начертанный предѣлъ;
Хотѣлъ десницею желѣзной
Внезапно завладѣть вѣковъ грядущей бездной —
И тѣ вѣка до срока призвалъ я,
Чтобъ предразсудковъ цѣпь заржавленную скинуть,
И къ цѣли высшей бытія
Лѣнивую громаду передвинуть.»

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

(ДОПОЛНЕНІЕ КЪ I-МУ ТОМУ.)

РЫЛѢЕВУ.

Люби и пой, товарищь мой,
Богатой юности былое,
На полѣ чести славный бой,
Любви побѣды надъ собой
И все для сердца дорогое.
Ты помнишь первый нашъ бивакъ
Подъ свѣтлымъ заревомъ, въ дубравѣ,
И къ первой битвѣ данный знакъ
И мысль неопытныхъ о славѣ;
И жизнь, въ обманчивой красѣ,
Ея мишурныя игрушки,
Минуты радостныя всѣ
И образъ маленькой пастушки;
Ты помнишь мѣсто — въ первый разъ
Куда волшебница являлась,
И гдѣ душа воспламенялась
Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.

Пусть измѣнитъ любовь и время,
И умъ и память отлетятъ:
Влача безжизненное бремя,
Ты будешь все еще богатъ ...
Онѣ пойдутъ съ тобой до гроба —
Твои прекрасныя мечты,
И вы умрете вмѣстѣ оба —
Воспоминанія и — ты.

1824 г.

Н. Коншинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА,

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

I.

АЛЕКСАНДРУ I-МУ.

Ужасенъ времени полетъ
И для самихъ любимцевъ славы!
Еще, о царь, въ пучину лѣтъ
Умчался годъ твоей державы;
Но не прошла еще пора,
На перекоръ судьбы и року,
Какъ прежде, быть творцомъ добра
И грознымъ одному пороку.

Обѣтомъ связанный святымъ
Идти во слѣдъ Екатеринѣ,
Ты будешь подданнымъ своимъ
Посломъ небесъ, какъ былъ до нынѣ.

Ты понялъ долгъ святой царя,
Ты знаешь цѣну человѣка
И, къ благу общему горя,
Ты разгадалъ потребность вѣка.

Благотворить — героевъ цѣль.
Для сердца твоего не чужды
Права народовъ и земель
И ихъ существенныя нужды.
О царь! весь міръ глядитъ на насъ
И ждетъ иль рабства, иль свободы!
Лишь Александровъ можетъ гласъ
Отъ бурь и бѣдъ спасать народы ...

Смотри — священная война!
Земля потомковъ Ѳемистокла
Костьми сыновъ удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть-можетъ, яростью дыша,
Еллады жонъ не внемля стону,
Аѳины взявъ, Курдишъ-Паша
Крушитъ послѣднюю колонну.

Взгляни на Западъ! — тамъ въ борьбѣ
Власть незаконная съ законной,
И брошенъ собственной судьбѣ
Съ царемъ испанецъ непреклонной.
Вездѣ броженіе умовъ,
Вездѣ иль жалобы, иль стоны,
Оружій громъ, иль звукъ оковъ,
Иль упадающіе троны.

Равно ужасны для людей
И мятежи, и самовластье.
Гроза народовъ и царей —
Не имъ доставить міру счастье!
Опасны для вѣнчанныхъ главъ
Не частныхъ лицъ вражды и страсти,
А дерзкое презрѣнье правъ,
Чрезмѣрность, иль дремо̀та власти.

Спѣши жь, монархъ, на подвигъ свой,
Какъ витязь правды и свободы,
На подвигъ славный и святой —
Съ царями примирять народы!
Не вѣрь внушеніямъ чужимъ,
Страшись коварныхъ душъ искуства:
Судьями подвигамъ твоимъ
И міръ и собственныя чувства.

1821.

II.

УЗНИКЪ.

Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
Лишь на штыкѣ у часового
Блеститъ полночная луна.

А бѣдный юноша, ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревамъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню,
Передаетъ тоску волнамъ:

«Прости мой домъ, мой кровъ любезный,
Прости навѣкъ моя семья!
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной
Уже не свой вамъ больше я!

«Прости отецъ, прости невѣста!
Сломись вѣнчальное кольцо!
Отнынѣ здѣсь мое ужь мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ.

«Сосваталъ я себѣ неволю;
Мой жребій — слезы и тоска;
Но я молчу: такую долю
Взяла сама моя рука.

«Когда жь наступитъ избавленье?
Когда жь придетъ бѣдамъ конецъ?
Но есть на свѣтѣ Провидѣнье
И на святой Руси отецъ.

«О, русскій царь! въ твоей коронѣ
Есть драгоцѣннѣйшій алмазъ;
Онъ значитъ: милость есть на тронѣ.
О, русскій царь, помилуй насъ!»

Давно ужь солнце на закатѣ —
Лучъ Феба больше не сіялъ,
А бѣдный узникъ въ казематѣ
Все ту же пѣсню напѣвалъ.

1826.

III.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНѢ.

Ударитъ часъ, часъ смерти роковой
И погрузитъ меня въ сонъ тяжкій, гробовой.
Виновную главу, безъ ропота, безъ страху,
Съ однимъ раскаяньемъ твой другъ несетъ на плаху.
Но грозной казни страхъ, позорной смерти стыдъ,
Въ послѣдніе часы мнѣ душу тяготитъ.
Съ зарею утренней моя свершится доля.
Да будетъ надо-мной Небесъ святая воля!
А ты, кто восемь лѣтъ счастливила меня,
Кѣмъ въ жизни я позналъ всю сладость бытія,
О, другъ мой, за любовь, за ласки, попеченья
Предсмертныя мои прими благодаренья!
Пекись о дочери, и передай ты ей
Всѣ сладости любви и красоты твоей!
Въ печальномъ мірѣ сёмъ, гдѣ радостей не много,
Я оставляю васъ подъ кровъ живого Бога:
Онъ будетъ вамъ одинъ надежный, вѣрный щитъ;
Онъ благостью своей васъ, милыхъ, охранитъ.
Мнѣ ваше счастіе — послѣднее желанье ...
Но время! ... слышу зовъ ... О, другъ мой! до свиданья! ...

1826.

IV.

ПѢСНЯ.

Ужь какъ шелъ кузнецъ
Да изъ кузницы —
Слава!
Несъ кузнецъ
Три ножа —
Слава!
Первый ножъ
На бояръ, на вельможъ —
Слава!
Второй ножъ
На поповъ, на святошъ —
Слава!
А молитву сотворя,
Третій ножъ на царя —
Слава!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

О

СОЧИНЕНІЯХЪ ДЕКАБРИСТОВЪ.

II.

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ДЕКАБРИСТОВЪ: МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА, КНЯЗЯ ОДОЕВСКАГО, БАТЕНЬКОВА, КЮХЕЛЬБЕКЕРА И ЛОРЕРА.

I.

С. И. МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

1824.

Je passerai sur cette terre... («Полярная Звѣзда» на 1859 годъ, стр. 73.) Это французское стихотвореніе, напечатанное въ видѣ примѣчанія къ статьѣ декабриста Михаила Семеновича Лунина: «Взглядъ на тайное общество въ Россіи», написано Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ въ 1824 году въ Каменкѣ (Херсонской губерніи), имѣніи Василія Львовича Давыдова, также декабриста, умершаго 24-го октября 1855 года въ ссылкѣ, въ Красноярскѣ. Кѣмъ сдѣланъ переводъ этаго стихотворенія на русскій языкъ — неизвѣстно.

II.

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

1838.

Сенъ-Бернаръ. («Современникъ», 1838, т. X, отд. III, стр. 167.) Подписано: *А. О.* Перепечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1844, т. 32, No. I, отд. I, стр. 3). Подписано: *А. Од—скій.*

Стихъ 2: *въ облакахъ.* Варіантъ: *въ небесахъ.*

Стихъ 32: *гладъ.* Варіантъ: *гласъ.*

Стихъ 41: *котей.* Варіантъ: *костей.*

Стихъ 49: *вождь.* Варіантъ: *вновь.*

Стихъ 50 — вовсе пропущенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Стихъ 52: *Италія твоя* ... Варіантъ: *Я узнаю тебя* ...

Стихи 59 и 60:

«Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа,
«И грозный поворотъ фортуны испыталъ ...

Варіантъ:

«Съ юнѣющей судьбой могучаго народа
«Въ борьбѣ неравной шумно палъ ...

Стихъ 62: *грань.* Варіантъ: *громъ.*

Въ стихѣ 65, въ «Отечественныхъ Запискахъ» пропущено слово: *въ снѣгахъ.*

1841.

Отцу. («Отечественныя Записки», 1841, т. 17, No. VII, отд. III, стр. 154.) Подписано: *А.—ій.* Перепечатано въ сборникѣ «Для Легкаго Чтенія» (1856, т. III, стр. 283).

Матери. («Отечественныя Записки», 1841, т. 17, No. VII, отд. III, стр. 159.) Подписано: *А.—ій.*

Роза и соловей. (Тамъ же, стр. 189.) Подписано: *А.—ій.*

1842.

Охлажденіе. («Русская Бесѣда», 1842, т. III, одт. IX, стр. 40.) Подписано: *А. О—й.*

1844.

Я—у, который подарилъ автору вѣтку съ могилы Лауры, въ Авиньонѣ. («Отечественныя Записки», 1844, т. 34, No. VI, отд. I, стр. 146.) Подписано: *А. Од—й.* Перепечатано, подъ заглавіемъ: «Я—у, раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры», въ «Русской Бесѣдѣ» (1859, т. III, отд. I, стр. 3). Подписано: *А. И. Одоевскій. 1827.*

Стихъ 6:

И гдѣ же встрѣтилъ я тебя, изгнанника?

Варіантъ:

Гдѣ жь встрѣтилъ я тебя, теперь изгнанника?

Стихъ 8: *въ странѣ* ... Варіантъ: *въ краю* ...

Стихъ 11: *полный* ... Варіантъ: *и для* ...

Стихъ 16: *свѣтлый* ... Варіантъ: *чудный* ...

1845.

Ты знаешь ихъ? («Вчера и Сегодня», 1845, ч. I, стр. 68.) Подписано: *А. О—ій.*

1853.

Къ ***. («Современникъ», 1853, т. 42, No. XI, отд. I, стр. 79.) Подписано: *А. О—ій.*

1859.

На смерть П. П. Ко..... 1831. («Русская Бесѣда», 1859, т. I, отд. I, стр. 3.) Подписано: *А. И. Одоевскій. 1832 г.* Стихотвореніе это написано при извѣстіи о смерти графа Петра Петровича Коновницына, послѣдовавшей 3-го сентября 1830 года на Кавказѣ. Графъ Петръ Петровичъ, сынъ героя двѣнадцатаго года, генералъ-отъ-инфантеріи графа Петра Петровича Коновницына, служилъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, въ чинѣ подпоручика, принималъ участіе въ возстаніи 14-го декабря, за что, по лишеніи чиновъ и дворянства, былъ записанъ рядовымъ въ дальнія сибирскія гарнизоны, а 22 августа 1826 года переведенъ, рядовымъ же, въ кавказскій корпусъ, впредь до отличной выслуги, гдѣ онъ и умеръ.

Два образа. (Тамъ же, т. II, отд. I, стр. 2.) Подписано: *А. И. Одоевскій. 1832 года.*

Далекій путь. (Тамъ же, стр. 4.) Подписано: *А. И. Одоевскій. 1832 года.* Въ рукописи, доставшейся мнѣ отъ покойнаго декабриста А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггена, стихотвореніе это озаглавлено такъ: *На пріѣздъ Камилы Петровны Ивашевой.* Вотъ что говорится въ «Запискахъ не Декабриста» о высокомъ подвигѣ любви и само-

отверженія этой благородной женщины, побудившемъ Одоевскаго написать свое стихотвореніе: «Василій Петровичъ Ивашевъ, ротмистръ гвардіи, адъютантъ графа Витгенштейна, сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, пользовался во второй арміи репутаціею самаго благороднаго человѣка. Онъ былъ въ дружбѣ съ Пестелемъ, Муравьевыми и другими заговорщиками и былъ членомъ тайнаго общества. Во время слѣдствія велъ себя твердо и благородно, и постоянно отказывался отъ всякихъ обвиненій на своихъ бывшихъ товарищей. Жестокая судьба постигла его: онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и безмолвно подвергся своей участи. До того времени бывалъ онъ въ отпуску въ деревнѣ у замужней сестры своей, Лизаветы Петровны Языковой, которая имѣла при дѣтяхъ француженку гувернантку (Дантю), женщину пожилую съ дочерью. Молодая дѣвушка почувствовала весьма понятное влеченіе къ блестящему, любезному и красивому молодому человѣку, но чувствуя, какое пространство ихъ раздѣляетъ, затаила рождающуюся страсть въ глубинѣ своего сердца. Вдругъ этотъ блестящій гвардейскій офицеръ, будущій генералъ, превратился въ бѣднаго каторжника, отверженнаго обществомъ. Не размышляя долго, она объявила и матери своей и госпожѣ Языковой, что намѣрена раздѣлить участь любимаго ею человѣка: ѣхать въ Сибирь, выйти за него замужъ и стараться нѣжною, благородною любовью смягчать его стра-

данія. Написали къ Ивашеву. Онъ принялъ предложеніе съ восторгомъ, потому-что и самъ питалъ къ этой дѣвицѣ глубокое уваженіе и сердечную склонность. По испрошеніи соизволенія государя, дѣвушка отправилась въ Сибирь и обвѣнчалась съ избраннымъ другомъ. Бракъ былъ самый счастливый, но, какъ всякое счастіе въ жизни, не долгій. Они имѣли троихъ дѣтей. Мать скончалась въ родахъ послѣднимъ. Ровно черезъ годъ и онъ послѣдовалъ за нею».

Помѣщаю кстати и варіанты этаго стихотворенія, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ:

Стихъ 3: *удалой* ... Варіантъ: *молодой* ...

Стихъ 4: *Бѣлымъ снѣгомъ* ... Варіантъ: *мягкимъ снѣгомъ* ...

Стихъ 22: *Свѣтъ-душа* ... Варіантъ: *Свѣтъ души* ...

Стихъ 26: *Мыслитъ-молвитъ* ... Варіантъ: *Въ душѣ молвитъ* ...

Славянскія дѣвы. («Русская Бесѣда», 1859, т. IV, отд. I, стр. 3.) Подписано: *А. И. Одоевскій.* Перепечатано въ «Полярной Звѣздѣ» (1861, кн. IV, стр. 193). Эта пѣсня написана для музыки, которую сочинилъ Вадковскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей 14-го декабря и товарищъ Одоевскаго по ссылкѣ; она носитъ характеръ романса того времеми. Въ мотивѣ Вадковскаго есть талантъ, но въ цѣломъ выработка ученическая.

Стихъ 34:

Радостно пѣснь свободы запой!

Варіантъ:

Сладкую пѣсню съ нами запой!

1861.

Кн. М. Н. В—ой. *25 декабря 1829 г., въ день ея рожденія.* («Библіографическія Записки», 1861, No. 5, стр. 132.) Подписано: *А. О—ій.* Подъ стихотвореніемъ примѣчаніе редактора: «Сообщеніемъ этаго стихотворенія друга Лермонтова, кн. А. И. Одоевскаго, мы обязаны М. И. М.-А.» (т. е. Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу). Стихотвореніе относится къ княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ Волконской, женѣ декабриста князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго и дочери знаменитаго въ отечественныхъ войнахъ Николая Николаевича Раевскаго. Эта великодушная и незабвенная женщина, не смотря на всѣ препятствія, послѣдовала за мужемъ въ Сибирь, провела тамъ, въ глуши, тридцать лѣтъ своей жизни, и была, во все это время, ангеломъ-хранителемъ не только мужа но и другихъ декабристовъ, сосланныхъ на каторгу.

А. С. Пушкину. («Русская Библіотета», т. I, изданіе II, Берлинъ, 1858, стр. 218.) Напечатано безъ означенія имени автора. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій» (Берлинъ, 1861, стр. 224). Въ послѣднемъ изданіи Стихотвореніе напечатано съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «Помѣщаемъ здѣсь превосходный отвѣтъ на это стихотвореніе («Въ Сибирь», Пушкина),

написанный декабристомъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, человѣкомъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, дальнѣйшему развитію котораго помѣшала ссылка».

При извѣстіи о польской революціи. («Русская Потаенная Литература XIX Столѣтія», Лондонъ, 1861, отд. I, стр. 423.) Подписано: *Князь А. Одоевскій. 1831.*

III.

Г. С. БАТЕНЬКОВЪ.

1827.

Одичалый. («Русская Бесѣда», 1859, No. III, отд. I, стр. 6—12.) Кромѣ того отрывокъ (съ начала до стиха: «Вотъ пѣснь кругомъ сырой могилы») напечатанъ въ «Русской Потаенной Литературрѣ XIX Столѣтія» (отд. I, ч. I, стр. 257). Стихотвореніе это написано Гавріиломъ Степановичемъ Батеньковымъ въ казематахъ крѣпости Швартгольмъ (въ Финляндіи), въ которой онъ провелъ первые два года своего двадцати-лѣтняго заточенія. Въ текстѣ, напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ», опущенъ эпиграфъ и восемь стиховъ, означенныхъ точками; именно: на стр. 9-ой, послѣ стиха: «Мнѣ преписать его открыто», опущены слѣдующіе четыре стиха:

Довольно разъ къ цѣпямъ у насъ
Себѣ позволить отвращенье,
Сказать ... поднять чело на часъ —
И расклокочется гоненье!

А на стр. 12-ой, послѣ стиха: «Для жизни новой, послѣ сей», опущены другіе четыре стиха:

Вкушайте сильные покой,
Готовьте новыя мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!

Кромѣ того (на стр. 7 и 9) опущены примѣчанія къ стихамъ:

1) Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзывъ подобнаго мнѣ рода . . .
2) Кусокъ вода струей омтыла . . .

Въ предлогаемомъ спискѣ все это исправлено, какъ равно и нѣкоторыя другія неправильности, вкравшіяся въ печатный текстъ.

IV.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

1815.

Мертвый живому. Стих. («Амфіонъ», 1815, сентябрь, стр. 25.) Подписано: *Вильгельмъ*. Перепечатано въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1822, ч. V, стр. 101).

Пѣснь Лапландца. Стих. («Амфіонъ», 1815, сентябрь, стр. 34.) Подписано: *Вильгельмъ*. Перепечатано въ исправленномъ видѣ, подъ названіемъ «Пѣснь Лопаря», въ «Сынѣ Отечества» (1819, ч. 52, No. 9, стр. 138), и въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1822, ч. VI, стр. 135).

1817.

Моимъ сарско-сельскимъ друзьямъ. Стих. («Сынъ Отечества», 1817, ч. 39, стр. 26.)

И. П. Шульгину. Стих. (Тамъ же, стр. 183.)

Къ Матюшкину. Стих. (Тамъ же, стр. 229.)

Адрастея. Стих. (Тамъ же, ч. 40, стр. 187.)

Цвѣтъ моей жизни, не вянь! . . . Стих. (Тамъ же, ч. 41, стр. 105.)

Диѳирамбъ. Стих. (Тамъ же, стр. 152.) *Посвящается Дельвигу.*

Мой сократизмъ. Стих. (Тамъ же, стр. 278.)

Отчизна. Стих. (Тамъ же, ч. 42, стр. 161.)

1818.

Посланіе къ Дельвигу и Пушкину. Стих. («Благонамѣренный», 1818, ч. III, стр. 133.) Перепечатано въ «Сынѣ Отечества» (1818, ч. 48, No. 33, стр. 129.)

Тоска. Стих. («Сынъ Отечества», 1818, ч. 43, стр. 205.)

Стихи, пѣтые воспитанницами Екатерининскаго института. (Тамъ же, ч. 46, стр. 259.)

Къ самому себѣ. Стих. (Тамъ же, ч. 49, стр. 225.)

1819.

Къ музѣ. Стих. («Сынъ Отечества», 1819, ч. 51, No. 3, стр. 131.) Подписано: *Вильгельмъ К.*

Отрывокъ. Стих. (Тамъ же, ч. 53, No. 13, стр. 37.)

О древнихъ Эстонцахъ. *Изъ записокъ молодого путешественника.* (Тамъ же, NNo. 15 и 17, стр. 124 и 219.) Подписано: *В. К.*

Гимнъ Апполону. *Сокращенный переводъ изъ Каллимаха.* Стих. (Тамъ же, No. 18, стр. 273.)

Баллада. Стих. (Тамъ же, ч. 55, No. 32, стр. 274.) Внизу выставлено: *30 іюля 1819.* На это стихотвореніе ссылается В. К. Кюхельбекеръ въ одномъ мѣстѣ своихъ рукописныхъ стихотвореній, доставленныхъ намъ изъ Сибири и помѣщенныхъ нынѣ въ предлагаемомъ собраніи стихотвореній декабристовъ.

Memento mori. Стих. (Тамъ же, ч. 57, No. 44, стр. 173.) Внизу означено: *1817.*

Къ брату. Стих. («Соревнователь Просвѣщенія», 1819, ч. VIII, стр. 72.)

1820.

Романсъ. Стих. («Невскій Зритель», 1820, ч. I, январь, стр. 95.)

Къ моему генію. Стих. (Тамъ же, стр. 96.)

Европейскія письма. (Тамъ же, февраль, стр. 35.)

Кофе. Стих. (Тамъ же, стр. 91.)

Взглядъ на текущую словесность. *Статья I.* (Тамъ же, стр. 106.)

Осада города Обиньи. *Повѣсть.* (Тамъ же, мартъ, стр. 14.)

Къ моему питомцу. Стих. (Тамъ же, стр. 52.)

Зима. Стих. (Тамъ же, стр. 61.)

Взглядъ на текущую словесность. *Статья II.* (Тамъ же, стр. 78.)

Европейскія письма. *Продолженіе.* (Тамъ же, ч. II, апрѣль, стр. 41.)

Къ М. К. Кюхельбекеру. *На смерть Т. И. Вас....ой.* (Тамъ же, стр. 58.)

Критическая статья о «Собраніи Стихотвореній Анны Буниной». («Сынъ Отечества», 1820, ч. 61, No. 16, стр. 166.) Подписано: *В. К.*

Пробужденіе. Стих. («Соревнователь Просвѣщенія», 1820, ч. IX, стр. 197.)

Европейскія письма, *или путешествіе жителя Американскихъ Сѣверныхъ Штатовъ 25-го столѣтія.* Письма V—VIII. (Тамъ же, стр. 270.)

Возрастъ счастія. Стих. (Тамъ же, стр. 331.)

Поэты. Стих. (Тамъ же, ч. X, стр. 71.)

Европейскія письма. Письмо XII. (Тамъ же, ч. XI, стр. 73.)

Диѳирамбъ. *Изъ Бакхилида.* Стих. (Тамъ же, стр. 94.)

Ангелъ смерти. Стих. (Тамъ же, стр. 346.)

Вдохновеніе. Стих. (Тамъ же, ч. XII, стр. 96.)

Элегія. Стих. (Тамъ же, стр. 209).

1821.

Къ Прометею. Стих. («Соревнователь Просвѣщенія», 1821, ч. XIII, стр. 94.)

1824.

Святополкъ. *Сага.* («Полярная Звѣзда», 1824, стр. 266.) Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ «Мнемозинѣ» (1824, ч. I, стр. 53).

Мнемозина. *Журналъ издаваемый княземъ В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.* Четыре части. *Москва. 1824.* (Въ 8-го д. л.)

Здѣсь помѣщены слѣдующія стихотворенія и прозаическія статьи Кюхельбекера.

ЧАСТЬ I.

Къ Богу. Стих. (Стр. 51.) Внизу выставлено: *1824.*

Святополкъ Окаянный. Стих. (Стр. 53.) *Примѣчаніе издателя:* «Сіе стихотвореніе было напечатано уже въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ, но здѣсь оно помѣщается съ большими перемѣнами и совсѣмъ въ другомъ видѣ».

Отрывокъ изъ путешествія по Германіи. Письма XIX—XXIV. (Стр. 61—110.)

Адо. *Естонская повѣсть.* (Стр. 119—167.)

Многомѣры. *Изъ Жанъ-Поля Рихтера.* (Стр. 182.)

ЧАСТЬ II.

Прологъ трагедіи съ хорами «Аргивяне». (Стр. 1—28.)

О направленіи нашей поэзіи, *особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе.* (Стр. 29—44.)

Отрывокъ изъ путешествія по Германіи. Письма XIV—XVIII. (Стр. 51—68.)

Проклятіе. Стих. (Стр. 72.)

Земля безглавцевъ. Статья. (Стр. 143—151.)

Отвѣтъ г. С....., на его разборъ 1-й части «Мнемозины», помѣщенный въ XV No. «Сына Отечества». (Стр. 159—164.)

ЧАСТЬ III.

Рогдаевы псы. Стих. (Стр. 13—22.)

Отрывокъ изъ путешествія по Германіи и полуденной Франціи. Письма XXIX—XXXII. (Стр. 23.)

Упованіе на Бога. Стих. (Стр. 84.)

Къ барону Розену. Стих. (Стр. 93.) Подписано: *Георіевскъ. 1821.*

Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ. Статья. (Стр. 157—177.)

Смерть Байрона. Стих. (Стр. 190.) Также издано отдѣльно, подъ заглавіемъ:

Смерть Байрона, *стихотвореніе В. Кюхельбекера. Москва. Въ типографіи Императорскаго Московскаго Театра. 1824. У содержателя А. Похорскаго.* (Въ 8-го д. л.) Стр. 1—11.

ЧАСТЬ IV.

Амуръ-живописецъ. *Подражаніе Гёте.* Стих. (Стр. 63.)

Отрывокъ изъ путешествія по полуденной Франціи. Письмо XLIII. (Стр. 66—74.)

Въѣздъ въ Италію. Письмо L—LII. (Стр. 74—91.)

Гимнъ Бахусу. *Изъ Гомера.* Стих. (Стр. 92.) Подписано: *Царское-Село. 1817.*

Олимпійскія игры. Стих. (Стр. 96.) Подписано: *Тифлисъ. 1822.*

1825.

Массилія. Стих. («Сынъ Отечества», 1825, ч. 102, No. 13, стр. 101.) Внизу стоитъ: *Янв. 1821.*

Хоръ Аргивянъ. Стих. («Соревнователь Просвѣщенія», 1825, ч. XXX, No. VI, стр. 301.)

Другой хоръ Аргивянъ. Стих. (Тамъ же, ч. XXXI, стр. 101.)

Шекспировы Духи. *Драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Кюхельбекера. Спб. Въ типографіи Н. Греча. 1825.* (Въ 8-го д. л.) Стр. I—X и 1—32.

1835.

Ижорскій. *Мистерія. Спб. Въ типографіи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. 1835.* (Въ 8-го д. л.) Стр. I—X и 1—151. Поэма состоитъ изъ двухъ частей. Имени автора не означено. Издана А. С. Пушкинымъ.

1858.

На смерть Чернова. Стих. («Полярная Звѣзда» на 1858 годъ, стр. 130.) Перепечатано въ «Русской Потаенной Литературѣ XIX Столѣтія» (отд. I, ч. I, стр. 129).

Замѣтка В. Кюхельбекера *въ альбомъ С. Д. П—ой. 1820.* («Библіографическія Записки», 1858, т. I, No. 8, стр. 237.)

1861.

19 октября 1836 года. Стих. («Отечественныя Записки», 1861, т. 139, No. XI, отд. III, стр. 38.)

19 октября 1837 года. Стих. (Тамъ же, стр. 40.)

V.

Н. И. ЛОРЕРЪ.

Наполеонъ. Стих. («Русская Потаенная Литература XIX Столѣтія», отд. I, ч. I, стр. 266.) Безъ означенія имени автора.

Въ означенномъ изданіи стихотвореніе «Наполеонъ» напечатано съ пропусками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и неправильно. Здѣсь же оно напечатано со списка, исправленнаго самимъ авторомъ.

II.

СПИСОКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЕКАБРИСТОВЪ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЗДѢСЬ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ ПЕЧАТИ.

I.

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

1.

ЭКСПРОМПТЪ.

«Пришедши ко мнѣ, въ мой нумеръ (на Петровскомъ заводѣ, куда были сосланы декабристы), и нашедши тамъ нѣсколько товарищей, Одоевскій воскликнулъ ... (слѣдуетъ экспромптъ). Надобно сильное воображеніе поэта имѣть, чтобы сказать это, ибо у меня ни вина, ни пива не было въ нумерѣ: одна только вода, да дурной артельный квасъ». (Изъ письма декабриста Александра Ѳедоровича фонъ-деръ-Бриггена, служившаго полковникомъ Л. Г. въ Измайловскомъ полку и товарища по ссылкѣ князя Одоевскаго.)

2.

КУДА НЕСЕТЕСЬ ВЫ? . . .

«Одоевскій ѣхалъ вмѣстѣ съ Назимовымъ, изъ Сибири на Кавказъ; за нѣсколько верстъ до Ставрополя увидѣли они стадо птицъ, направлявшихъ полетъ къ Кавказу. «Привѣтствуй ихъ!» сказалъ ему Назимовъ — и вотъ его экспромптъ . . .» (Изъ письма фонъ-деръ-Бриггена.)

II.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

1.

ПѢСНИ ОТШЕЛЬНИКА.

Сорокъ восемь стихотвореній, напечатанныя подъ этимъ заглавіемъ въ предлогаемомъ изданіи, извлечены нами изъ тетради, носящей тоже названіе и переписанной на бѣло самимъ авторомъ въ Сибири, не задолго до смерти. Всѣ 48 стихотвореній являются здѣсь въ первый разъ въ печати.

2.

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Хотя стихотвореніе это и было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1858 годъ, но мы нашли не лишнимъ помѣстить его въ нашемъ изданіи въ числѣ новыхъ, еще не извѣстныхъ публикѣ, произведеній Кюхельбекера, такъ-какъ оно появилось въ печати недавно и притомъ въ заграничномъ изданіи.

III.

А. А. БЕСТУЖЕВЪ (МАРЛИНСКІЙ).

1.

ПѢСНЯ.

Стихотвореніе это есть поэтическое воспроизведеніе битвы подъ Бѣлой-Церковью, происшедшей 2-го января 1826 года, между батальономъ Черниговскаго полка, подъ начальствомъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, и высланнымъ противъ него отрядомъ, въ которой самъ Муравьевъ былъ раненъ картечью въ голову и взятъ въ плѣнъ, а младшій его братъ Ипполитъ Ивановичъ — убитъ.

2.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

ДУМА.

3.

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

ИЗЪ КАМПЕ.

Первое стихотвореніе написано Бестужевымъ въ Сибири, а второе — во время заточенія въ крѣпости Швартгольмъ (въ Финляндіи), въ которой онъ просидѣлъ около года, до ссылки въ Якутскъ.

4.

НАДПИСЬ НА МОГИЛѢ МИХАЛЕВЫХЪ.

Это стихотвореніе хотя и было напечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ» на 1861 годъ, но

не вошло въ собраніе сочиненій Бестужева, почему мы и сочли не лишнимъ помѣстить его въ нашемъ собраніи.

IV.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

1.

АЛЕКСАНДРУ I-МУ.

Стихотвореніе это написано Рылѣевымъ еще въ 1821 году, но никогда напечатано не было. Оно найдено баронесою Ашъ въ бумагахъ Ивановскаго, секретаря Слѣдственной Коммиссіи, женатаго на сестрѣ баронесы Ашъ. Здѣсь означенное стихотвореніе напечатано со списка Александра Николаевича Креницына, списавшаго его въ свой «Сборникъ» изъ альбома сестры своей, въ которомъ стихотвореніе написано рукою Ивановскаго.

2.

УЗНИКЪ.

При печатаніи «Полнаго Собранія Сочиненій К. Ѳ. Рылѣева» («Библіотека Русскихъ Авторовъ». Лейпцигъ. 1861. Томъ I.) мы не рѣшились помѣстить въ немъ стихотвореніе «Узникъ», считая принадлежность его Рылѣеву — сомнительной. Впослѣдствіи мы имѣли случай говорить о подлинности названнаго стихотворенія съ людьми, близко знавшими Рылѣева, но ни кто изъ нихъ не выражалъ ни малѣйшаго сомнѣнья въ принадлежности его перу нашего поэта-гражда-

нина. Это побудило насъ напечатать стихотвореніе въ II-мъ томѣ нашего изданія, въ видѣ приложенія, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями Рылѣева, почему-нибудь не вошедшими въ I-и томъ.

Стихотвореніе, безъ указанія имени автора, было напечатано въ «Русской Потаенной Литературѣ XIX Столѣтія» (отд. I, ч. I, стр. 255).

Кстати помѣщаемъ здѣсь и варіанты:

Стихи 2—4-ый:

На невск*ихъ* башн*яхъ* тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ двуроная луна.

Стихи 9 и 10-ый:

Прости *отчизна*, *край* любезный,
Прости *мой домъ*, моя семья! ...

Стихи 13 и 15-ый:

Прости *жена моя* — невѣста! ...
Застынь мое на свѣтѣ мѣсто! ...

Стихъ 16: *мужемъ*. Варіантъ: *другомъ*.

Стихъ 19: *Но я молчу* ... Варіантъ: *И мнѣ сносить* ...

Стихи 21—24-ый:

Но есть надежда въ избавлень*и*
Своимъ бѣдамъ найти конецъ;
Но есть *святое* Провидѣнье,
И на Руси *ты*, *нашъ* отецъ!

Стихи 26—28-ой.

Безцѣнный есть другой алмазъ!
Коль будетъ милость, *то* на тронѣ
Будь намъ отецъ! помилуй насъ!

3.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНѢ.

Написано въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, не за-долго до казни.

4.

УЖЬ КАКЪ ШЕЛЪ КУЗНЕЦЪ.

Напечатно въ «Русской Потаенной Литературѣ XIX Столѣтія» (1861, отд. I, ч. I, стр. 425), подъ заглавіемъ: «Пропущенное стихотвореніе Рылѣева».

5.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ» НА 1825 ГОДЪ.

Это объявленіе напечатано въ «Сынѣ Отечества» на 1825 годъ (ч. 99, No. I, стр. 111).

ОБЯВЛЕНІЕ.

«Полярная Звѣзда», которой изданіе замедлилось нѣкоторыми обстоятельствами, появится не къ 1-му января 1825 года, но къ Святой недѣлѣ. Если она была благосклонно принята публикою, какъ книга, а не какъ игрушка, то издатели надѣются, что перемѣна срока выхода ея въ свѣтъ не перемѣнитъ о ней общаго мнѣнія. Въ этомъ случаѣ успѣхъ «Полярной Звѣзды» будетъ гораздо лестнѣе прежнихъ, по совмѣстничеству ея съ новыми альманахами, ибо ея примѣръ возбудилъ на семъ поприщѣ не только

соревнованіе литераторовъ, но и дѣятельность книгопродавцевъ *). Издатели долгомъ поставляютъ увѣдомить, что «Полярная Звѣзда» издается въ прошлогоднемъ форматѣ съ картинками, и что всѣ писатели, украсившіе два прежніе тома, не отказались участвовать и въ третьемъ. Донынѣ все идетъ успѣшно, а время и вкусъ публики рѣшатъ ея будущую участь.

Просимъ покорно всѣхъ благосклонныхъ журналистовъ перепечатать слово въ слово сіе извѣстіе въ своихъ журналахъ, за что будемъ чувствительно благодарны.

Издатели «Полярной Звѣзды»:

Александръ Бестужевъ.
Кондратій Рылѣевъ.

15 декабря 1824.

Не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на странное совпаденіе чиселъ: ровно черезъ годъ, день въ день, по составленіи этаго объявленія, 15-го декабря 1826 года, Рылѣевъ и Бестужевъ были арестованы по дѣлу 14-го декабря.

---

*) «Русская Талія», изданная г. Булгаринымъ, заключаетъ въ себѣ одни драмматическія произведенія, невходившія въ составъ «Полярной Звѣзды». «Русская Старина», г. Корниловича, посвящена одной исторіи — и такъ «Сѣверные Цвѣты», изданіе г. книгопродавца Сленина, вступаетъ въ непосредственное соперничество съ «Полярною Звѣздою». Предоставляя сему альманаху благопріятное время выхода въ свѣтъ, желаемъ ему еще благопріятнѣйшаго успѣха. — *Изд. П. З.*

Заключимъ нашу статью указаніемъ двухъ пропущенныхъ стиховъ въ «Войнаровскомъ» Рылѣева, и нѣкоторыхъ другихъ невѣрностей, вкравшихся въ «Полное Собраніе Сочиненій Рылѣева» («Библіотека Русскихъ Авторовъ», томъ I).

ВОЙНАРОВСКІЙ.

Стр. 222. Послѣ стиха: «Чѣмъ сожалѣніе врага», опущенъ стихъ:

Къ чему напрасное моленье!

Стихъ этотъ означенъ въ изданіи точками.

Стр. 230. Послѣ стиха: «Ужь близокъ часъ, близка борьба», опущенъ стихъ:

Борьба свободы съ самовластьемъ.

ВИДѢНІЕ.

Стр. 280, стихъ 19. Напечатано:

Тебя иная ждетъ судьбина ...

Читай:

Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина ...

ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Стр. 288, стихъ 19. Вмѣсто *дѣтства*, читай: *дѣвства*.

Стр. 290, стихъ 8. Вмѣсто *черни*, читай: *чести*.

Исповѣдь Наливайки переведена на языки французскій, итальянскій и голландскій. Французскихъ

переводовъ два, и оба въ прозѣ. Первый изъ нихъ помѣщенъ въ книгѣ Анселò: «Six mois en Russie. Paris. 1827», подъ заглавіемъ: «La confession de Nalivaïko, fragment d'un poème inédit». Второй переводъ сдѣланъ И. Головинымъ и помѣщенъ въ его книгѣ: «La Russie sous Nicolas I. Paris. 1845». (Стр. 440 и 441.)

Переводы италіанскій и голландскій помѣщены въ переводахъ книги Анселò на языки итальянскій и голландскій.

КОНЕЦЪ.

Лейпцигъ, въ типографіи Ф. А. Брокгауза.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Sobranie stichotvorenij Dekabristov

Leipzig 1862

P.o.rel. 3480
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036490-7